

МИХАИЛ ДОРИН



18+

 **АФРИКАНСКИЙ
РУБЕЖ 9**

Михаил Дорин

Африканский рубеж 9

«Автор»

2026

Дорин М.

Африканский рубеж 9 / М. Дорин — «Автор», 2026

Вторая половина 80-х. Мир стоит на пороге стремительных перемен. Майор Александр Клюковкин оказывается втянут в новый водоворот интриг и столкновений. Долг перед Родиной и перед близкими приводит его в Сьерра-Леоне. Страну, где бушует революция, где власть измеряется оружием, а богатства земли становятся проклятием её народов.

© Дорин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Дорин

Африканский рубеж 9

Глава 1

Июнь, 1986 года, аэродром Джелалабад, Демократическая Республика Афганистан.

Мощный запах эвкалипта перебивал выхлопные газы и керосин. Гул вспомогательных силовых установок перемешивался с периодическим рёвом взлетающих Ан-26 и Ан-12. Пыль, обжигавшая щёки, была вечной составляющей здешнего пейзажа.

Духота на базе в Джелалабаде была сегодня невероятная. Как и вчера, как и каждый день. С каждым шагом по ребристой поверхности стоянки из плит К-1Д комбинезон лип к телу моментально. Пот смешивался с мелкой пылью, поднимаемой воздушным потоком от винтов запускающихся и взлетающих на задачи вертолётков. Песчинки превращались в липкую грязь и размазывались по лицу и тыльной стороне ладоней.

— Саныч, вот ты мне скажи, чего нас постоянно тянет в эту душегубку? — ворчал Кеша, идя со мной рядом и размахивая шлемом в руке.

— Джелалабад — оазис. Зимняя резиденция афганских правителей. Если верить истории. Так что не ной, — ответил я, поправляя воротник куртки песочного комбинезона.

С самого утра пыльное марево висело над бетонной полосой, превращая горизонт в колеблющуюся серую линию. Будто бы мир слегка вздрагивал от бессонницы.

Ровными рядами тянулись Ми-24 и Ми-8 — замечательные машины, израненные временем и войной. На многих виднелись свежие латки, прикрывающие дырки от пуль. Кое-где броня потемнела от недавних возгораний. Техники в кепках, панамах и с голым торсом копошились у бортов, таская ящики и тележки с боеприпасами.

— Знаешь, Сань, я уже устал. Эта командировка меня вымотала. Утешаю себя тем, что у меня хотя бы нет аллергии на алкоголь.

— Кеша, отставить панику. У тебя и на еду нет аллергии, — ответил я.

— О да! Ночью только хочется перекусить...

Я посмотрел на Кешу и улыбнулся. Так и хочется ему зачитать пару четверостиший на тему еды по ночам.

— Саныч, и ты ничего не скажешь? Ты ж любишь меня подкалывать по поводу еды.

Ну он сам напросился.

— «Уж звёзды на небе зависли. Полуночная манит кровать. И нет мне покоя от мысли, чего бы такого сожрать». Про тебя строчки?

Кеша рассмеялся и кивнул.

— А ещё у нас есть «бучило», где можно искупаться. Кстати, после вылета предлагаю его посетить.

— Поддерживаю, — ответил я, повесив на плечо автомат.

Командировка и правда затягивалась. Первоначально меня, группу лётчиков и техников из Торска направили в Афганистан, чтобы опробовать несколько новых видов авиационных средств поражения в боевых условиях, коих накопилось немало. Продолжительность командировки — 2 недели.

Так сформировали очередную испытательную группу во главе с ведущим лётчиком из Владимирска — командиром испытательной эскадрильи подполковником Свиридовым. Я у него заместитель, а Кеша старший штурман.

Как показала практика, 2 недели можно продлять очень долго. Так мы и докатились до 2 месяцев.

Обстановка в Афганистане была стабильно напряжённой. Вроде войны нет, но на границе постоянно стреляют. Оппозицию победили, но духи иногда появляются в горных и пустынных районах.

Несмотря на все договорённости, встречи на низких и высоких уровнях, политики из Исламабада упорно продолжают «играть с огнём». То есть с Советским Союзом.

Поддержка афганской оппозиции уже давно превратилась в прибыльный бизнес по продаже оружия. Однако, доставлять его становится всё труднее. В определённой степени, командованию 40-й армии дали «добро» на удары по душманам, даже если они находятся на территории Пакистана.

В итоге лагеря подготовки духов теперь либо далеко от Афганистана, либо вообще переместились в другие страны. Но каждый месяц интенсивность боевых вылетов снижается. И это хорошо.

Пока мы шли к вертолёту, Кеша потянулся к нагрудному карману, чтобы показать мне что-то интересное.

— Лена фотографию детей прислала. Растут большими и на меня похожи, — улыбался Петров, доставая из фото.

Он протянул его мне, чтобы я посмотрел. На фотографии жена Кеши с детьми, ползающими на четвереньках. Как же быстро растут карапузы! На душе было приятно видеть будущее поколение Петровых.

— Хорошие растут. Любознательные, — указал я на одного из близнецов, который кусал неваляшку.

Вернусь в Союз и пора бы нам с Антониной узаконить отношения. Перейти так сказать на новый уровень. Годы идут, и понимаю, что тоже хочу детей.

С каждым шагом подошва кроссовок горела всё сильнее, а расстояние до нашего вертолёта всё меньше. Вокруг Ми-24 без опознавательных знаков и номера борта, сейчас крутилось намного больше людей, чем рядом с другими.

— Смотрю на эти две штуки и удивляюсь. Нам бы ещё атомную бомбу подвесили, — произнёс Кеша, оценивая размер ракет, которые нам нужно сегодня опробовать.

На балочных держателях вертолёта поблёскивали длинные, тяжёлые трубы — новые С-25В в пусковых контейнерах. По одной на каждом полукрыле. Даже неподготовленному взгляду они казались слишком громоздкими для «шмеля».

— Не ворчи. Ракеты мощные, серьёзные. Могут разворотить бетонные укрепления на раз-два. Ты ведь знаешь, куда мы летим? — сказал я Кеше и он кивнул.

— Как сказал Свиридов — бьют точно и ровно... в сторону ближайшей горы.

— Вот и проверим.

Мы подошли к вертолёту, когда техники ещё заканчивали подготовку. Кеша отошёл в сторону, чтобы... «избавиться» от ненужного количества «жидкости», а я продолжил смотреть по сторонам.

Горячий афганский воздух вился над бетонкой Джелалабада дрожащими волнами. Солнце било в глаза так, что даже очки «Авиатор» не спасали от белого света, отражавшегося от жёлтой пыли. На такой жаре любое касание фюзеляжа ладонью могло привести к ожогу.

— Сан Саныч, вертолёт готов. Ракеты подвешены, — доложил мне бортовой техник Сергей.

Его мы в полёт не брали, чтобы оградить от необязательного риска. Так что наш бортач занимался исключительно подготовкой вертолёта к вылету.

Из-за спины Сергея вышел инженер по вооружению нашей отдельной эскадрильи и пожал каждому руку.

— Мужики, оружие мощное, доработанное. Должно пробивать скальные укрытия...

— Должно? — уточнил я.

— Ну, на полигоне лётчик попал в мишень типа «танк». От него нашли только часть башни.

— Не самый характерный показатель. А с укрытиями как обстояли дела? — спросил уже Кеша.

Инженер по вооружению задумался и подозвал на помощь представителя Испытательного Центра во Владимирске.

— Что? Кого? Чего? — подошёл к нам молодой парень, дёргая головой вперёд и назад.

— Чему? Почём? Зачем? — улыбнулся Кеша, посмотрев на меня.

— Во Владимирске все такие. Творческие работники, — ответил я и пожал руку подошедшему парню. — Так что там с поражением укрытий.

— Сан Саныч, всё хорошо. А для укрытий не очень. По итогам пусков, ракета уверенно поражает самолёт в укрытии, пробивая метровую толщу железобетонной обшивки «ангара» и 3-4 метра грунтовой насыпи.

Серьёзная заявка! Я ещё раз глянул на С-25В. По внешнему виду они напоминают неуправляемые ракеты С-25 из моего прошлого, но их активно не ставили на вертолёт. Опробовали пару раз, и всё. Слишком мощные!

— А что с выхлопными газами? — спросил я.

— Всё поправили. Ракету несколько уменьшили, чем была первоначальная С-25. Она в контейнере, поэтому будет выходить медленно. Есть время на манёвр. Испытатели опробовали и ни одного помпажа.

— А срыв потока с рулевого винта? — спросил я.

Инженер с Владимирска почесал затылок и задумался.

— Ни разу не было. Но мы такой момент даже не рассматривали.

Кеша потянул меня за локоть, призывая обратить на него внимание.

— Командир, можем пускать с горизонтального полёта и тут же уходить на кабрирование. Почти исключается вариант попадания отработанных газов ракеты.

— А точность будет никакая, верно? — спросил я.

— Подтвердил. Комэска тоже сказал, что надо с пикирования работать. Так точнее.

— Ладно. Опробуем на цели, которую нам дали. Отработаем одиночный залп с правого борта. Так мы исключим попадание газов на рулевой винт, — сказал я и, поблагодарив техников, направился к вертолёту.

Здесь нас уже ждали экипажи других вертолётчиков, которые участвуют в ударе. Все уже были экипированы и были во внимании слушать меня.

Кеша достал картодержатель и я показал на точку, где находится объект.

— Итак, наша цель — опорный пункт душманов на границе с Пакистаном. Координаты есть у всех? — спросил я, и все кивнули в ответ.

— Командир, а что по связи? На указаниях объявили, что доведут дополнительно, — спросил мой ведомый.

— Сначала работаем с РП аэродрома. При подходе к району работы с авианаводчиком. Он на 9 канале, частота 126,725, позывной Торос, — ответил я и все лётчики загудели.

В Афганистане этот ПАН был, прямо скажем, легендой. Все с ним хотели поздороваться и сказать спасибо за работу. Да только мало кому удавалось с ним пересечься.

— Сан Саныч, вы в Афганистане уже много раз были. Это вообще один и тот же человек — авианаводчик Торос? — спросил у меня один из лётчиков.

— Один и тот же. Голос всегда одинаковый. И, кстати, я его тоже никогда не видел. Но хотел бы, — улыбнулся я.

Кеша добавил к сказанному, что цель находится в районе кишлака Дуав. С юга этот населённый пункт прикрыт хребтом Сафедкох. А дальше уже шла граница с Пакистаном.

— Подытожим. Идём тремя парами. Дистанция между парами 2 километра, в паре держим 500 метров, а интервал 50. Сначала работают «грачи», уничтожая ПВО душманов, а затем мы. Ориентиры в районе цели все изучили? — спросил я, и парни молча кивнули. — Вопросы? Если нет, то по вертолётам.

Только мы заняли места в кабинах, как ко мне вновь подбежал инженер по вооружению.

— Саныч, давай парный залп. Чего мелочиться? Заодно и закроем сразу всю программу по С-25В, чтобы второй полёт не выполнять.

— Испытатели его делали?

— С Ми-24 нет, — ответил инженер.

— Тогда не будем рисковать. Ты видел, какой у этой ракеты движок? Не успею уйти вверх, выхлопные газы попадут в двигатели. Схватим помпаж и будете нас собирать по горам. Посмотрим, как по одной отработаем, тогда и решим.

Инженер кивнул и отошёл от вертолёта. Дверь с глухим щелчком закрылась, и шум аэродрома стих. Я бросил взгляд влево, где места в кабинах занимали ещё три экипажа, которые с нами пойдут сейчас на удар.

— 902-й, 3-й готов, — доложил мой ведомый.

— Понял.

— 902-й, пара 11-го готова, — произнёс в эфир командир вертолёта из второй пары.

— Омар, 902-му. Добрый день! Группе запуск, — запросил я разрешение у руководителя полётами на аэродроме.

— Группе, доброго дня! Запускайтесь.

Вспомогательная силовая установка запущена. Ми-24 уже начал гудеть, но пока ещё не ожил до конца. Я поднял руку и показал бортовому технику указательный палец, который означал запуск, левого двигателя.

Солнце пригревало через остекление кабины. Спина начала потеть. Начинаю посматривать на тумблер включения системы кондиционирования, но пока ещё нельзя включать.

Вертолёт загудел сильнее и начал слегка вибрировать. Обороты двигателей в норме. В этот момент вся группа поочерёдно доложила о готовности вырваться на полосу.

— Омар, 902-му, группой на полосу. Взлёт по-самолётному, — запросил я.

— Разрешил, — ответил руководитель полётами.

Через пару минут мы выстроились на полосе, чтобы начать по одному взлетать.

— 902-й, взлёт по-самолётному, — доложил я и получил разрешение.

Медленно поднимаю рычаг шаг-газ. Вертолёт завибрировал, но стоит на полосе как вкопанный. Ещё подтягиваю рычаг, но только совсем чуть-чуть оторвал от бетона.

Ми-24 висит, но очень тяжело. Выше никак не хочет карабкаться.

Я зажал тормозную гашетку, чтобы вертолёт стоял устойчиво. Начинаю поднимать рычаг шаг-газ. Правая рука уже готовится отклонить ручку управления от себя.

— Не тянет. Жарковато, — сказал по внутренней связи Кеша.

Вертолёт стоит и только вибрирует. Я продолжил медленно поднимать рычаг шаг-газ. Теперь «шмель» начал реагировать.

Только я отпустил гашетку, как хвост вертолёта начал постепенно приподниматься. Вес вертолёта начал напирать на носовую стойку.

На авиагоризонте угол тангажа изменился на 5°.

— Ещё немного, — проговорил я.

Линия горизонта начала подниматься вверх. Нос вертолёта слегка опустился, и перед глазами теперь только серый бетон и белая осевая линия полосы.

— Тангаж 8°, — доложил Кеша.

Только хвост вертолѐта поднялся ещё больше, как Ми-24 начал медленно разбегаться по полосе.

— Скорость 40... 50, — отсчитывал Кеша.

Он уже давно не пугается от взлѐта на носовом колесе.

Хвост слегка начал опускаться. Ручку управления продолжаю отклонять от себя. Надо держать это не совсем обычное положение вертолѐта в пространстве, чтобы он продолжал разбег. Однако, не так это и просто.

— Скорость 60... 70, — продолжал считать Кеша.

Я отклонил ручку на себя. Мы начали отходить от полосы. Высота набирается медленно, но уверенно.

— Высота 10. Шасси убрано. Разгон, — произнёс я по внутренней связи.

Следом и остальные произвели взлѐт.

— Курс 260°, скорость 200, — подсказал Кеша и я развернул Ми-24 в сторону района работы.

— Понял.

Выполнив разворот, я посмотрел ещё раз на приборы. Стрелки застыли на расчётных параметрах. А в это время величественное солнце продолжало припекать через блистер.

— Прошли первый поворотный, — доложил Кеша, когда мы пролетели через степь Чорагаллай.

Продолжаем держать расчётную скорость, проносясь над землёй и поднимая клубы пыли воздушным потоком винтов. Стрелка указателя скорости прошла отметку в 220 км/ч. Надо было спешить выйти в расчётную точку в определённое время.

— Ускоряться не нужно? — уточнил я у Петрова по внутренней связи.

— Командир, успеваем, — сказал Кеша.

Чем ближе к району работы, тем приходится всё ниже спускаться к земле. Задатчик опасной высоты установлен на 20 метров. И то это было слишком много.

В наушниках то и дело выдавался сигнал о снижении за эту отметку.

— Командир, рубеж передачи управления, — произнёс Кеша.

— Понял, — ответил я.

Через несколько секунд руководитель полѐтами дал нам команду через ретранслятор перейти на связь с Торосом.

— Группе переход на 9-й канал, — дал я команду в эфир.

Только я переключил канал, как в наушниках загудели голоса. В это время в эфире слышались доклады лѐтчиков Су-25.

— 117-й, на боевом.

— 655-й, пуск! Выхожу влево.

— Понял!.

— Слева «сварка» работает! Аккуратно!

С помехами, но доклады экипажей штурмовиков доходили до нас.

Приближаясь к хребту Сафедкох, я уже наблюдал разрывы. Отметил для себя, что земля на склонах вздымалась от ударов, осколки камней разлетелись во все стороны, а тучи пыли заслоняли видимость.

— Саныч, прошли третий поворотный. Дальше КПМ, — доложил мне Кеше, когда мы пролетели над очередной сопкой.

Я посмотрел на основную группу, следующую за нами. Пока местность ещё была более равнинной, боевой порядок Ми-24 можно было разглядеть в зеркале заднего вида.

Выстроившись «колонной пар», вся группа напоминала трамвай, лениво следующую над вершинами, словно по рельсам.

— Скорость 250, — дал мне подсказку Кеша.

— Группе, «прибор» 260, — дал я команду и мы начали ускоряться.

Дым и клубы пыли, поднятые от разрывов ракет штурмовиков, становились всё плотнее. Уже не так хорошо можно разглядеть горы на границе с Пакистаном.

— Торос, Торос, ответь 902-му, — запросил я авианаводчика.

— Добрый... разрешил... подход, — отвечал ПАН, которого было едва слышно сквозь помехи.

Горы вокруг, как каменные чудовища. Тени от скал лежат рваными тёмными пятнами, а наверху слепит солнце и всё расплывается, будто смотришь сквозь раскалённое стекло.

Через минуту Кеша доложил, что мы в точке выхода на боевой курс.

Кажется, что металл вокруг тоже дрожит от напряжения. Я чувствую, как под шлемом течёт пот, а капли полосками скатываются за воротник. Во рту так сухо, что язык прилипает к нёбу.

— 902-й, наблюдаю вас, работайте с курсом 170°. До цели 5 километров. Ориентир — первая линия разрывов, — дал команду авианаводчик.

— Как он так точно считает? — сказал Кеша, когда я отвернул вертолёт влево.

— 2-й, справа на месте, — доложил ведомый.

— Понял. Торос, 902-й, на боевом.

«Главный» включён. На пульте вооружения тумблер выставил в положение НРС.

— Пульт взведён, — доложил я, когда на пульте управления стрельбой загорелись лампы точек подвесок.

Впереди среди пыльных холмов и чёрного дыма я обнаружил и наш искомый объект. Аккуратный ров, несколько каменных укреплений под скальными козырьками, и совсем рядом дома, с которых началась стрельба в нашу сторону.

— Торос, 902-й, цель вижу.

— Работу разрешил. После работы выход влево, — дал команду авианаводчик.

Кеша отсчитывает время до начала манёвра. Переключатель борта, с которого будет уходить ракета, поставлен в правое положение.

— Манёвр! — громко скомандовал Иннокентий, и я отклонил ручку управления на себя.

Быстро делаю «горку», задирая нос вертолёта и через несколько секунд пикирую.

— Тангаж 10... 20... 30, — подсказывал Кеша расчётный угол.

Духи начинают огрызаться, но их позиции ДШК далеко. А вот тот самый опорный пункт душманов близко.

— До цели 2.

Колпачок кнопки РС откинут. Подвижную марку на прицеле совместил с целью. Скорость быстро росла.

— Пуск! Выход... — доложил я, нажав кнопку РС.

Но всё пошло не по плану. Никакого замедления не было. Весь обзор заполонил дым выхлопных газов, из-за которого ничего не было видно. Вертолёт затрясло так, будто кто-то по нему ударил кувалдой, и он попал в резонанс.

Над головой начались хлопки.

— Обороты...

Мы начали просаживаться и терять обороты несущего винта.

Только дым рассеялся, как за блистером вновь выросли горы. Они становились всё ближе. Ощущение, что каменные склоны растут на глазах, наваливаясь сверху. И можно разглядеть каждую расщелину.

Глава 2

Вертолёт не сразу начал меня слушаться. Колебания и броски ещё пару секунд продолжались. Всё трясётся, но по приборам «проблемный» двигатель просматривается сразу.

— Левый... левый, — произнёс я.

Гора уже прямо перед нами. Можно разглядеть камни, тёмный излом расщелины и тень вертолёта, нависающего над скалой. Вижу всё так близко, что кажется, если протянуть руку, то коснусь шероховатости. Виски пульсируют в такт с сигналом опасной высоты.

— Вы... во... дим! — громко произнёс я, выравнивая вертолёт.

Стрелка указателя оборотов левого двигателя ходит из стороны в сторону.

Ми-24, «задыхаясь и хрипя», начал вылезать из сложившейся сложной ситуации. Скалы остались под брюхом вертолёта. Буквально в нескольких метрах под фюзеляжем.

Несанкционированный пуск второй ракеты принёс нам большую проблему.

— 902-й, левый на малом газу, — произнёс я в эфир, опустив рычаг управления двигателем.

— Понял вас, 902-й. Выход из атаки. Возврат на аэродром, — ответил авианаводчик.

На одном двигателе атаковать оставшиеся позиции духов не было смысла.

В зеркалах заднего вида заметен большой взрыв. Каменные «козырьки» сложились, как карточный дом. Я успел увидеть, как внизу всё заполонило пылью, чёрным дымом и языками пламени.

— Хорошо попали! — громко отозвался Торос, продолжая выводить на боевой курс остальные вертолёты.

В горле по-прежнему сухо. Я сглатываю и чувствую только вкус пыли и железа. Вспотел так, что форма прилипла к спине. Поймать помпаж двигателя в момент пуска не самая приятная ситуация.

Вертолёт уже летел ровно и без снижения. Скорость на приборе 150 км/ч, а с правого борта уже подлетал к нам ведомый.

— Саныч, это трындец! Ты это видел? Две ракеты разом ушли. Хренова математика этих конструкторов! Проверили они всё, — возмущался по внутренней связи Кеша.

Но оказалось, что Петров всё выдал в эфир. Весь Афганистан слышал, как мы отстрелялись.

— Кто там весь эфир забил?! Прекратить! — ворвался в радиообмен кто-то из начальства, кружащийся над районом боевых действий на борту Ан-26.

Лучше бы послушал, что у нас с двигателем.

— Так, 902-й, что у вас? Отказ правильно определили? — спросил появившийся в эфире собеседник.

Это был командир полка в Джелалабаде. Сегодня он руководил операцией на нашем направлении. До недавнего времени его и слышно не было.

Вопрос о правильности определения отказа не самый корректный. По всем признакам был помпаж, но достоверно можно определить только на земле.

— Помпаж левого. Перевёл двигатель на малый газ.

Тут в эфире возникла тишина. Все ждали какой-то ответ от руководителя операции. Но он переключился на контроль результатов ударов. Всё время торопил с докладами.

— 2-й, борт норма? — запросил меня ведомый, который вышел следом из атаки.

— Да. Левый двигатель на малом газу.

— Тоже видел, что две сошли. 902-й, вам парой на точку. Попали на «отлично», — дал мне команду авианаводчик.

— Понял. Спасибо за работу, — поблагодарил я в эфир и занял курс на Джелалабад.

Ещё раз проконтролировал, что шасси у меня вышли. Если «встанет» правый двигатель, придётся сразу садиться.

Ведомый пристроился ко мне справа настолько, насколько это было возможно.

— 3-й, не стоит прижиматься. Осталось немного, дотянем, — сказал я в эфир, понимая, что ведомый прикрывает мой единственный исправный двигатель.

— Как говорится, своих не бросаем, 2-й, — произнёс он в эфир.

— Спасибо, друг! — поблагодарил я, продолжая удерживать вертолёт на расчётном курсе в направлении Джелалабада.

На подлёте к аэродрому руководитель полётами уточнил характер отказа и вызвал аварийные средства. В эфир даже вышел комэска.

— 902-й, ответь 901-му, — запросил подполковник Свиридов, командир нашей отдельной эскадрильи.

— Ответил. Спокойно летим. Левый на малом газу, — доложил я.

Только произвёл этот доклад, как нос вертолёта вновь начало водить. Температура в левом двигателе начала «гулять», так что пришлось его окончательно выключить.

— Левый выключил, — произнёс я в эфир, закрывая стоп-кран двигателя.

— Понял. Шасси выпустил? — спросил Свиридов.

— Точно так, — спокойно ответил я.

Приземлившись на полосу, мы аккуратно срулили на рулёжку, где нас уже ожидал техсостав чуть ли не всей эскадрильи. А ещё целых две пожарные машины и одна КПМка — комбинированная поливомоечная машина на базе автомобиля ЗиЛ-130.

— Омар, 902-му, выключаюсь. Спасибо за руководство, — поблагодарил я руководителя полётами.

— Отдыхайте.

Я выключил правый двигатель, дождался, когда несущий винт начнёт замедляться, и только тогда позволил себе снять перчатки. Ладони взмокли настолько, что кожа скукожилась, как после горячей ванны. Ощущение, что я держал в руках не ручку управления, а раскалённое железо.

Я вылез из кабины и снял шлем. К вертолёту уже подъехала спецтехника. Пожарные стояли рядом, тревожно посматривая на Ми-24. Будто он может в любую секунду вспыхнуть. КПМка тоже здесь, у которой с крана продолжала капать вода. И вокруг пахнет гарью и керосином.

Я вытер лицо рукавом. В горле сильно пересохло. Как будто внутри пыль от ветров «афганцев».

К вертолёту подбежали техники. Уже нет никого с голым торсом. Все взмокли и в замасленных комбинезонах. Только я открыл дверь кабины, как рядом уже оказался бортовой техник Серёга.

— Саньч! Дорогой вы наш...

— Ну не переоценивай меня, Серый. Всё нормально. Экипаж жив — полёт удался. Кстати, где наш инженер по вооружению? — спросил я, слезая на бетонку аэродрома.

Сняв шлем, я моментально почувствовал, как солнце стало припекать мне волосы и затылок.

— Товарищ майор... — подошёл ко мне «вооруженец», вытягиваясь в струнку.

— Без гимнастики. Можешь отметить, что парный пуск... выполнили, — выдохнул я, осматривая пусковой контейнер. — Но есть нюанс. Пока больше эту «шайтан-ракету» пускать не будем.

Инженер кивнул и собрался уже идти работать, но я его остановил.

— А вот тумблер переключения борта сейчас кому-то затолкаю! — сказал я, и тут на горизонте появился инженер с Владимирска.

К его чести, отмазываться он не стал. Сразу сказал, что... бывает!

— Чьи были слова, что всё проверили?! Век воли не видать! — ворвался в нашу дискуссию Кеша, но я сразу его успокоил.

— Иннокентий, спокойно. Тут ничего не поделаешь. Но проверьте всё заново, товарищи, — дал я команду инженерам.

Мы же с Кешей начали собираться в здание командно-диспетчерского пункта. Именно там у нашей эскадрильи, в нескольких небольших помещениях был так называемый штаб вместе с местным 727-м вертолётным полком.

Только мы отошли от вертолёта, как Кеша обратил моё внимание на взлётно-посадочную полосу. А именно боковые полосы безопасности,

— Саныч, погляди на эту «стоянку». Как они технику понаставили! — сказал Кеша, кивнув в сторону бетонки.

Я посмотрел — и едва не выругался. Вдоль самой ВПП стояли Ми-8 и Ми-24 местного полка. Я знал, что в Джелалабаде была проблема со стоянками. Но не думал, что всё так плохо. Машины занимали каждый свободный метр, словно аэродром был сельской ярмаркой, а не действующей авиационной базой.

Так близко к полосе ставить технику нельзя.

— И ничего ведь не смущает, — сказал я вслух.

— Кто-то сядет, съедет с полосы и тогда всё. Пороховая бочка замедленного действия, — добавил Кеша.

В это время как раз выполнил посадку и Ан-26РТ. Тот самый, на борту которого летал сейчас командир 727-го полка. Человек он своеобразный, но поговорить с ним нужно.

По пути мы поговорили с экипажем нашего ведомого, а затем дождались других лётчиков, выполнявших с нами удар по душманам в районе кишлака Дуав.

Через пятнадцать минут я уже сидел на диване у комэска Свиридова. В кабинете командира эскадрильи было не менее душно, чем на улице. Ревущий кондиционер БК-1500 совсем не справлялся с жарой. Холодильник «Минск» рычал и периодически вздрагивал.

— Значит, помпаааж! — громко сказал Свиридов, хлопнув по холодильнику, чтобы тот перестал рычать.

Комэска расхаживал по кабинету, раздумывая о сегодняшнем боевом вылете.

— Да. Тумблер переключения борта не сработал. В итоге ушло две ракеты одновременно, но попали куда надо, — ответил я, снимая с себя разгрузку с магазинами к АКС-74У и другим снаряжением.

Кеша буквально погибал от жары и держал у головы бутылку с холодной водой.

— Голову застудишь, Петров, — сделал ему замечание Свиридов.

Иннокентию бы убрать бутылку с ледяной водой, но он решил сумничать.

— Только наличие не дюжего ума позволяет безболезненно создавать себе любимому головную боль, — ответил Кеша.

Свиридов раскрыл глаза от удивления и вопросительно посмотрел на меня.

— Командир, не обращайтесь внимание. Он перегрелся, — ответил я.

— Оно и видно. Что дальше, Саш? На сегодня всё закончили?

— Да. Вообще, мы весь план выполнили, который нам давали на две недели. Потом ещё на две недели. А потом...

— Ну ладно тебе, Саныч, — сказал Свиридов и подошёл ко мне ближе. — Думаю, что через пару недель наша группа отправится домой.

Как-то уж странно и таинственно смотрит на меня комэска. Будто что-то скрывает и не хочет при Кеше говорить. Сам Петров тоже напрягся, пытаясь не упустить ни единого слова.

— Командир, что случилось? Как-то вы загадочно улыбнулись.

— Естественно. Я тебе только одно скажу...

Однако Свиридов договорить не успел. В кабинет ворвался человек в песочном комбинезоне. Бросилось в глаза, что одежда у него отглажена как на парад, а сам он старался держаться статно.

Это был командир 727-го вертолётного полка подполковник Никитин Виктор Юрьевич. Он был высокого роста, волосы седые, несмотря на его молодой по военным меркам возраст. Лицо багровое то ли от злости, то ли от усталости. Самое запоминающееся в нём было это его голос.

— Вы как это объясните, товарищи исследователи?! — возмутился он.

Голос Виктора Юрьевича звучал словно свисток.

Свиридов переглянулся со мной, но ничего Никитину не ответил. Кеша и вовсе охнул от наслаждения после глотков воды.

— Вы про что?

— Опять отказ и помпаж. Без неисправностей можете работать? — продолжил возмущаться Никитин.

Комэска предложил мне ответить на этот вопрос.

— Нет, не можем, — спокойно сказал я.

— Вышли из атаки. За вас всю работу сделали две замыкающие пары. Что это за исследование такое?! — нагнетал обстановку Никитин.

В разговоре с людьми, подобным Виктору Юрьевичу, я предпочитаю разговаривать «молча».

Это когда смотришь на него и он сразу понимает, куда ему идти.

— У вас, что ни вылет, то ЧП!

Ну надоел! Вроде не совсем молодой, но возраст для командира полка у Никитина маловат. Чего он лезет к нам?!

— Виктор Юрьевич, в чём проблема? У майора Клюковкина случилась, так сказать, нештатная ситуация. И такое случается часто. Для этого мы здесь и работаем.

— Вот и работайте! Только не надо сюда привлекать разного рода комиссии. К нам завтра прилетит заместитель командующего. Сказали, что вы его интересуете больше нас. Но ведь он точно пойдёт по объектам...

Ну тут и началось стандартное нытьё про то, что все вокруг козлы, а Никитин — Д'Артаньян. Думаю, что стоит ему и про вертолёты у полосы сказать.

— Товарищ подполковник, вы же видели, как у вас выставлены вертолёты? Я бы советовал их убрать от полосы дальше.

— Майор! Хватит шуму! Мы знаем, как вертолёты ставить. Занимайся своим делом.

Я шагнул ближе.

— Товарищ подполковник, вы вдумайтесь. Полоса загружена. Один самолёт сядет с перегрузом. И есть вероятность, что несколько вертолётов зацепит. А там повреждения будут серьёзные.

Комэска Свиридов кивал вслед за мной, давая понять, что в моих словах больше истины.

— Это моё решение. Не ваше. И не лезьте к нам, — фыркнул Никитин.

Командир полка ещё постоял в кабинете, пытаясь как-то переубедить нас с помощью «наездов». Но не получилось.

Так он и покинул кабинет с недовольным лицом. Только Никитин вышел, как умную мысль произнёс Кеша.

— Это, а кто это был, напомните? — спросил Кеша, чем вызывал у меня смех.

Да и у Свиридова тоже. Что-то мне комэска не договорил перед приходом Никитина.

— Так что вы мне сказать хотели, командир? — напомнил я.

Свиридов в это время раскрывал пачку печенья «Альберт».

— Хотел-хотел... точно!

Свиридов подошёл ко мне и пожал руку.

— Александр, пора тебе «дырочку» готовить под звезду. В 40-й армии дали добро на представление тебя к званию Героя Советского Союза.

Глава 3

Услышать что тебя представляют к званию Героя Советского Союза, наверняка хотел бы каждый военнослужащий.

Есть моменты, когда прямо нечего сказать. Стоишь и смотришь на своего собеседника, как блеющее создание с маленькими рожками на новые ворота.

— Эээм, — «замычал» Кеша после услышанного.

Я повернул голову в его сторону, чтобы слегка взбодрить.

— Иннокентий, челюсть подбери, — сказал я, заметив, что он сидел с открытым ртом и смотрел в какую-то точку на стене напротив.

— Не могу, — ответил Кеша.

Я вновь повернулся к командиру и посмотрел в его радостные глаза. Свиридов, довольно улыбаясь, смотрел на меня, ожидая хоть какой-то реакции.

— Командир, на сегодня у меня запас юмора исчерпан, — улыбнулся я.

— Ты думаешь, что я пошутил?

— Думаю, да.

— А я вот думаю, что нет, — похлопал меня по плечу Свиридов и вернулся на своё место.

Я так и продолжал стоять и смотреть на командира эскадрильи, ожидая какого-то подвоха после озвученной новости.

— Член Военного совета звонил мне лично. Они сказали, что слишком много Сан Саныч уже сделал для звания Героя. Мол, какого чёрта я тебя не подаю, — продолжил Свиридов.

— Да вы меня не так давно знаете, — ответил я, присаживаясь напротив комэска.

— И всё же, я тебя знаю. Тебе только за эту командировку можно уже Героя давать, а у тебя таких было несколько заездов сюда. Так что уже пора.

Наверное, Свиридов имеет в виду эпизод, когда мы с Кешей «посетили» Пакистан в апреле этого года, эвакуируя группу спецназа. Но не сказать, что это был подвиг.

— Командир, это вы про залёт к соседям? — спросил Кеша.

— Именно.

Петров пожал плечами, а я решил выразить своё мнение на этот счёт.

— Спецназ, который вытащил ребят из плена — герои. Их командир, Громов, тоже — герой. А мы просто сделали свою работу.

— Ну начинается! Я не знаю ни одного военного, который бы просто согласился на звезду Героя. Все говорят, что это наша работа. Чего тебе стесняться, Саныч?!

Я посмеялся и посмотрел на Кешу, который мне кивал. Будто намекая, чтобы соглашался на награду. Если честно, то я и не думал отказываться.

— Командир, да я не стесняюсь. Более того, очень рад столь высокой чести.

— На том и закончим. Документы подготовим и отправим в Кабул. А теперь отдыхайте.

Выйдя из здания КДП, я первым делом посмотрел на полосу. Была мысль, что товарищ подполковник Никитин, примет во внимание мой совет, но не тут-то было.

— Ого! Они ещё вертолётов наставили. Совсем сдурели, — заметил Кеша, указывая на два Ми-8, стоящих рядом с полосой.

— Опрометчиво, — ответил я, посмотрев по сторонам.

Согласен, что техники в Джелалабаде очень много. На основной стоянке нереально было воткнуть лишний вертолёт. Зато есть возможность разместить их на отдельные квадраты, выложенные из плит К-1Д. Благо, этого добра хватает.

— Вон сколько плит лежит. Наверное куда-нибудь уже собираются применить по иному назначению, — показал Кеша на несколько больших стопок плит.

Закончив рассматривать размещение техники, мы с Кешей сняли снаряжение и «поплажному» отправились в бучило. Как и пять лет назад красоту этого арыка не смогли испортить постоянные посиделки посетителей шикарной бани, расположенной прямо на берегу.

Само место купания небольшое. Длина метров 10, а шириной 5. Глубину не замерял, но Кеша недавно нырял и оценил её величину в 3 метра.

Только мы подошли к берегу, как Иннокентий стал куда-то показывать пальцем.

— Смотри-смотри! — указал Кеша на рыб, которых можно было в столь прозрачной воде спокойно разглядеть.

С виду эти рыбы напоминали речных бычков песочного цвета.

— Ты как будто их первый раз увидел, — улыбнулся я, медленно заходя в прохладную воду.

— Не первый, но я всегда удивляюсь местной природе. Вчера рядом с модулем вот такого «динозавра» увидел. Настоящего! — воскликнул Кеша, раскидывая руки в стороны.

Это мой друг так вспомнил вчерашнего гекона, которого нашли наши товарищи.

— Ну не преувеличивай его размеры. Хотя, он хорошо с мухами справляется. В первой комнате одного гекона поймали и поселили у себя, — ответил я, занырнув в воду с головой.

- Правда, потом он куда-то пропал. Вместе с мухами, - посмеялся Кеша.

Расслабившись, я перевернулся на спину и засмотрелся на голубое афганское небо. Приятно было расслабиться, не о чём не думать и просто смотреть, как над нами пролетает Ан-12, заходя на посадку.

— Саныч, а тебе не показался странным сегодняшний... инцидент? — спросил у меня Кеша, вылезая на берег.

Я подплыл ближе и сел рядом. Пока плавал в воде, не было желания размышлять о помпаже двигателя, который сегодня произошёл. А тут Кеша сам напомнил. Так что мысли на этот счёт у меня появились.

— Не то чтобы странным, но есть над чем подумать.

— Я с тобой согласен, что этот переключатель надо было затолкать этому инженеру по самую...

— Ну не стоит так глубоко, а то не вытащит, — ответил я, вновь занырнув в воду.

— Ты пускал одну ракету?

— Да.

— А выпущено было сразу две. Инженера не могли не знать, чем это чревато. Тем более что перед вылетом это дело «обмусолили», «обсосали» и обговорили.

Я задумчиво посмотрел на Кешу. Куда-то он клонит, но пока не говорит напрямую.

Тут у меня всплыли сирийские события, которые уже улеглись. Но прошло больше года, и я уже начал постепенно их забывать. В памяти остались только имена моих погибших товарищей.

— Иннокентий, говори прямо. К чему ты клонишь?

— Я думаю, что нас хотели убить, — тихо произнёс мой друг.

После слов Кеши шутить не сильно хочется. Всё же, те самые разговоры в Сирии с Сопиным, «секретным» сирийцем, а потом и с Казановым, наводят на мысль. Ну а беседа с американским пилотом в ангаре ливийского Тобрука как вишенка на торте всей истории.

Неужели она через столько времени получила продолжение?

— Братишка, нас с тобой столько раз хотели убить, что я уже потерял счёт этим попыткам.

— Да, но так технично ещё не пробовали.

— Слишком сложно. Хотели бы убить, просто сбили бы, и всё. И никто бы ничего не понял. Но внимательными нужно быть всегда, — ответил я.

После водных процедур мы вернулись в модуль. По пути мысли о странном отказе перемещались со словами комэска о звании Героя.

Новость о возможной награде хоть и была приятной, но вытеснить из головы воспоминания о Сирии и Ливии не получалось.

Рядом с нашими модулями витал привычный запах. Это был сложный букет из пыли, чего-то кисловатого от длительного пребывания в жаре и лёгкого аромата солёнки от генератора.

В комнате было не так уж и тесно. В нашей стояло две двухъярусные кровати. На тумбочках лежали аккуратно сложенные номера газет уже не первой свежести. На первых полосах сообщалось о встречах Михаила Сергеевича с кем-то из политических деятелей и последние новости об успехах трудового народа.

Радует, что нет никаких новостей о Чернобыле. Видимо, этой страшной катастрофы в этой реальности не произошло. И это очень хорошо.

— Я новую кассету достал. У полковых взял послушать. Песня свежайшая. Оценишь новое звучание? — спросил у меня Кеша, протягивая свой кассетный плеер.

С ним он таскался везде. Разве только в туалет не брал. Может и брал, но я не видел.

Надев наушники, я нажал кнопку «Плэй». Зазвучала ритмичная, а главное — очень крутая песня этих лет.

— Ты герой, ты мужчина. Ты слишком крут, чтобы проиграть в этой игре. Потому что ты молод! — пела немецкая певица Си Си Кэтч один из своих знаменитых в будущем хитов.

Пока в наушниках играли ритмы евродиско, я навёл порядок у себя на кровати. В углу комнаты стоял небольшой, но гудящий холодильник, набитый тушёнкой и бутылками с водой. По громкости издаваемого звука он соперничал с кондиционером, который практически не выключался.

Рядом стоял сложенный раскладной стол, за которым мы проводили вечера, играя в шахматы. Ну или более интересные беседы за жизнь, когда не «вырубались» после вылетов.

В комнате жили кроме меня и Кеша ещё двое из Торска: капитан Вихорев Валера и майор Ганин Вячеслав. Оба — лётчики и сегодня тоже вместе с нами выполняли полёт. Это именно их экипаж был нашим ведомым сегодня.

— Хорошая музыка, Саныч? — спросил у меня Ганин, когда я отдал Кеше плеер.

Слава в это время пытался настроиться на хорошую радиостанцию, сидя рядом со своим приёмником.

— Отличная. Лучше, чем-то что ты ловишь на радио.

Ганин продолжал пытаться поймать хоть что-то кроме шипения и обрывков какой-то восточной музыки.

— Я скоро смогу в дуكانе и без тебя Саныч с местными говорить. Из этого приёмника постоянно только на арабском и говорят, — сказал Валера Вихорев, лёжа на своём втором ярусе, читая потрёпанную книгу Достоевского.

— Кстати, Сан Саныч, вас, кажется, награждать будут, — улыбнулся Ганин, не отрываясь от приёмника.

— Да, командир сообщил. Говорит, что «слишком много ты сделал, Сан Саныч, для звания Героя», — не стал скрывать я, усаживаясь на кровать.

— Давно пора. А то Сирия тебя звездой Героя уже оценила, а наши политработники всё жмутся, — сказал Валера, и слез с верхнего яруса.

Он пожал мне руку, поздравляя с будущей наградой.

— Если Свиридов сказал, то уже весь процесс запущен. Так что жди, Саныч, вызова в Кремль.

— Не буду пока торопиться билеты до Москвы брать, — ответил я.

Разговор плавно перетёк на более приземлённые темы. Мужики вспоминали о семье, детях и различных смешных ситуациях, которые происходили с ними дома. Одна из таких тем - деньги и их отсутствие в привычном виде. Всё же, в Афганистане мы получали чеки «Внешпосылторга». Свои предыдущие кровно заработанные, я в Ташкенте обменял по «выгодному» курсу. Так что на книжке у меня скопилась уже неплохая сумма. По моим подсчётам, на машину мне точно хватит.

— Блин, я вот хотел уже в жилищный кооператив вступить. Сейчас считаю, и уже не сомневаюсь, — чесал подбородок Кеша, рассматривая банкноту чека с зелёной цифрой 50.

— Вступай. Не пожалеешь, — сказал я.

— Да Лена тоже говорит так сделать. Сейчас к морякам переведусь, и хотелось, чтобы было жильё в Москве.

Кеше предложили перевестить в Остафьево, и он не стал отказываться. Должность старшего штурмана полка просто так не предлагают.

— Тебе с двумя дадут трёхкомнатную. Зачем тебе квартира, Кеша? Она ж как машина стоит, — удивлялся Валера.

— Кеша, никого не слушай, вступай и покупай, — подмигнул я.

Квартира в Москве будет ценнее, чем машина. И уж точно ценнее, чем купить что-то в «Берёзке».

Если ничего в истории больше не поменяется, то их лучше начать тратить как можно быстрее. В январе 1989 года начнут закрываться магазины «Берёзка», и тогда эти чеки будут совсем уж неценные.

Я и сам задумался над тем, что можно будет купить себе квартиру. Просто пока нет такой необходимости. А вот с появлением штампа в паспорте надо будет думать. Государство в эти годы квартиры давало, но это ж всё равно не твоя собственность.

Утро в Джелалабаде всегда было одинаковым. Сперва резкий, пронзительный рассвет из-за гор безжалостно бивший по глазам. Потом привычный гул двигателей машин. А затем и рёв силовых установок самолётов и вертолёт, запускающихся на стоянке.

Я выкарабкался из своего двухъярусного койко-места с ощущением, будто меня всю ночь протащили по местным серпантинам.

Иного состояния в 4 утра и быть не могло.

— Доброе утро, страна! Саныч, ты уже встал? — громко сказал Кеша, который вернулся с утренней зарядки.

— Да вот, собираюсь. И кстати, «добрым» утро редко бывает, дружище. Ты в очередной раз решил похудеть? — спросил я.

Кеша в этот момент втянул округлый живот и встал перед зеркалом. Его лицо, как обычно, выражало смесь лёгкой растерянности и какой-то детской непосредственности.

— К пляжному сезону готовишься?

— Я обещал Лене, что у меня к концу командировки будут кубики. Пока что только один.

— И видимо, очень секретный, — слегка щёлкнул я Кешу по пузу и пошёл умываться.

— Кеша, да ну тебя с твоим спортом, — отмахнулся Валера, переворачиваясь на другой бок.

Сегодня был назначен вылет на «свободную охоту» в район границы и далее до Ассадбада. После постановки задачи от командира, мы вышли из здания командно-диспетчерского пункта в направлении стоянки. Сегодня у нас другой ведомый экипаж, который уже ждал нас рядом с Ми-24.

Утреннее солнце слепило в глаза. В воздухе чувствовалось, как он скоро прогреется до невыносимой температуры. Аэродром с первыми вылетами совсем проснулся. Где-то далеко работали двигатели, но основная жизнь только-только начиналась.

Мы направились к стоянке как всегда обмениваясь парой колких замечаний. Настроение было рабочим, но с приятным привкусом новости о возможном звании. Чеки, эти бумажки, которые мы вчера так обсуждали, казались теперь не такими уж и важными.

— Саныч, ну ведь за Героя ещё прибавку дадут к зарплате. Статус и всё такое.

— Кеша, хорош. Как дадут, так и будем считать «плюшки». Пока мы с тобой только задачи получаем.

— И пи...

— Без подробностей, — прервал я Иннокентия, но тут же сам остановился.

В этот момент хотелось сматериться самому.

— Сан Саныч, ты это видишь? — прошептал Кеша, остановившись как вкопанный.

Я ничего не сказал, но за меня кое-кто ответил. Тут же раздался характерный, ревуший звук. Он приближался, становясь всё громче и громче. Земля под ногами начала дрожать.

— Это же... — начал Кеша, но не успел договорить.

На полосу, с явным превышением скорости сел Ан-24. Он не просто выполнил перелёт и не выдержал направление.

Словно гигантский железный монстр, он пронёсся вдоль края полосы, где была организована стоянка нескольких Ми-8. В этот момент, когда он проехал первый вертолёт, раздался оглушительный скрежет, треск и грохот. Я видел, как правым крылом Ан-24 буквально смазал по хвостовой балке нескольких вертолётот.

Самолёт, пробежав ещё метров сто, неуклюже начал уходить в сторону, попутно зацепив ещё пару вертолётот на отходе. При этом оставил за собой облако пыли и начал тормозить, скрежеща металлом. Несколько вертолётот, стоявших ещё дальше, от неожиданности и от столкновения с обломками, тоже оказались в плачевном состоянии. Один Ми-24, стоявший неподалёку, был покорёжен в хвосте, а лопасти его винта упёрлись в землю.

Техсостав, который ещё секунду назад пытался оценить повреждения, теперь метался как обезумевший. Кто-то кричал, кто-то пытался добраться до лётчиков Ан-24, кто-то уже начал осматривать оставшуюся технику, словно боялся, что она сейчас тоже развалится.

Я видел, как смяты лопасти несущего винта у одного из Ми-8, как разворочена кабина второго. Словно кто-то прошёлся по ним бульдозером. Сам Ан-24, застывший на ВПП, выглядел как поверженный зверь со скошенным крылом. Дым поднимался из его двигателя, а сам экипаж выключился прям на полосе.

За спиной послышались шаги и крики. Это выбежал из здания КДП в одной майке, штанах и тапках командир 727-го полка Никитин. Тот самый, которому я и указывал на ошибку с подобным размещением вертолётот.

В это время уже начали сбегаться люди. Воздух наполнился криками, звуками бегущих ног и тревожными возгласами.

— Говорил же — опрометчиво, — произнёс я и направился с Кешей к повреждённым вертолётотам.

Глава 4

Время на аэродроме будто остановилось. Ветер стих. Будто бы сама природа, увидев произошедшее, «обалдела».

Пока мы с Кешей направлялись к полосе, нас уже обогнали несколько групп техников и спецмашин. Обогнавший нас ещё на «старте» командир 727-го полка, подполковник Никитин, уже выскочил из своего УАЗа рядом с вертолётами и начал жестикулировать перед доложившим ему инженером.

— Чего он там говорит? — спросил Кеша, когда увидел резкие движения Никитина руками.

— Много чего. Думаю, что инженеру не сильно нравится, — ответил я, обогнав двух лётчиков, которые остановились недалеко от рулёжки и зацокали языками.

Крики Никитина были слышны издали, но слова было трудно разобрать.

— Он так орёт, будто это инженер ему лично снёс половину вертолётов полка, — сказал мне Кеша.

Подойдя ближе к подполковнику, можно было заметить на фоне яркого солнца, как летят слюни в инженера. Такие эмоции в сочетании со свистящим голосом Виктора Юрьевича сильно нагнетали и без того печальную обстановку.

— Я вас уничтожу! Вы у меня под суд пойдёте... нет, побежите под суд! — метался Никитин между покорёженными машинами, словно тигр в клетке.

Мне почему-то кажется, что под суд есть вероятность пойти самому Виктору Юрьевичу. Всё же приказ на расстановку отдавал он лично.

— Ты, Петров! Что ты там застыл, как истукан?! — заорал он на какого-то техника, который с ужасом осматривал повреждённый Ми-8.

Кешу сначала передёрнуло, поскольку он воспринял это на свой счёт.

— Товарищ подполковник, живы все. Экипаж Ан-24... вон! Они сами выбрались. Тоже живы, — пролепетал за спиной Никитина его заместитель, указывая на несколько человек, стоящих рядом с самолётом на полосе.

— Живы?! Да и хрен на них. Придурки косорукие! — выругался Никитин.

Он нервно дёргал себя за майку, пытаясь справиться с нахлынувшей волной гнева. Казалось, он готов был растерзать любого, кто попадётся под руку, лишь бы найти козла отпущения.

— А ну-ка, ты, балбес! Ты смотрел, куда они сажались? Ты не видел, что... что они вот-вот в вертолёты воткнутся?! — переключился он на другого человека в каске, песочной форме, бронежилете 6Б2 и с автоматом на плече.

— Товарищ командир, я...

— Тоже готовься. Будешь отвечать перед комиссией. Я на тебя все вертолёты повешу!

— Командир, это часовой. Он вообще...

— Ты меня не учи. Тоже тебя сдам! И тебя сдам! Всех сдам, уроды! — «рвал» на себе волосы Никитин, который никак не мог успокоиться.

Кеша, стоявший рядом, тихонько дёрнул меня за рукав.

— Сан Саныч, он сейчас так и к размахиванию кулаками прибегнет.

Я направился к командиру полка, отправив Кешу к нашему вертолёту. Вообще, нашей эскадрилье повезло. Все вертолёты, к счастью, стояли чуть поодаль.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться — позвал я Никитина, стараясь говорить спокойно, но твёрдо.

Виктор Юрьевич обернулся, но его взгляд был по-прежнему полон ярости.

— О, Сан Саныч! Ты же мне говорил! Говорил, что тут опасно! А я... я что, слепой, что ли?! Вот, смотри! — начал разводить он руками и подошёл ко мне ближе. — Чего пришёл, Клюковкин?! Позлорадствовать! Вот и свободен. Мне тут зрители не нужны.

Он махнул рукой в сторону покорёженных вертолётчиков. Я подошёл к Виктору Юрьевичу ближе, не сводя с него глаз.

— Вы бы сопли подобрали, товарищ подполковник. А то на них поскользнуться можно. Лучше думайте, как вы будете выполнять боевые задачи. У вас много вертолётчиков теперь «не в строю». И это только ваша преступная халатность тому виной.

Никитин злобно зыркнул на меня и отвернулся. Постояв несколько секунд, он сплюнул на бетонку, сел в машину и уехал в сторону КДП.

Его заместитель только развёл руками.

Я взглянул на часы. До вылета было ещё немного времени, так что я решил осмотреть весь масштаб предстоящего «грандиозного шухера».

Первый Ми-8, который был ближе всех к полосе, выглядел просто ужасно. Вся передняя часть фюзеляжа, от кабины пилотов до середины, была смята, как будто кто-то гигантской рукой прошёлся по металлу. Краска была содрана. Лопастى несущего винта были сломаны, а одна была полностью согнута под прямым углом. Передняя стойка шасси была вывернута. А сам вертолёт накренился набок.

Рядом стоял второй Ми-8. Повреждения были не столь критичны, но тоже значительны. Хвостовая балка была сплюснута, и вертолёт опасно накренился на левый борт. Лопастى несущего винта были погнуты.

Пострадал и Ми-24. У него была смята хвостовая балка. Рулевой винт упёрся в землю. Казалось, что и этот борт уже не подлежит быстрому ремонту.

Дальше я не пошёл, но и там картина была печальная. Про повреждения Ан-24 и вовсе нет смысла говорить.

Судя по всему, он порвал пневматик на левой основной стойке при посадке. При этом накренился влево и начал уходить с полосы. Лётчик самолёт не удержал и всё сшиб.

— Повреждения серьёзные, товарищ майор, — сказал мне инженер, держа в руках обломок лопасти одного из вертолётчиков, подводя Никитина к одному из вертолётчиков.

— Главное, что никто не погиб, — ответил я, нагнувшись к земле.

Под ногами было много обломков, но мне на глаза попала рукоятка от блистера Ми-8. Я взял её и покрутил в руке. За спиной вновь скрипнули тормоза УАЗика.

Выпрямившись, я повернулся на звук двигателя автомобиля. Это был УАЗик Никитина. Сам же Виктор Юрьевич вылез с пассажирского сиденья и пошёл дальше по стоянке. Бросив на меня злобный взгляд, он прошёл мимо и ничего не сказал.

— Ты видел, что осталось от техники?! Сколько ждать запчастей?! Сколько времени уйдёт на ремонт?! Нам нужно выполнять задачи! — объяснял Никитин своему заместителю на ходу.

— Я понимаю. Но искать виноватых — дело неблагодарное. Сейчас нужно оценить ущерб и понять, что мы можем сделать.

Больше мне на месте происшествия делать нечего. Мне стало ясно, что Никитин «сопли подобрал» и теперь ему разгребать эту проблему. А ещё ясно, что в Джелалабад уже собирается комиссия. Наверняка приедут и из Кабула, и из Ташкента.

Через несколько минут мы запустились парой и начали руление к полосе.

— 902-й, Омару. Повнимательнее на взлёте. С полосы самолёт ещё не убрали, — подсказал мне руководитель полётами.

— Понял. Разрешите, мы по рулёжке разбежимся, — запросил я и получил разрешение. Вертолёт начал разбег. Скорость растёт, а хвост уже начинает подниматься.

— Отрыв! — произнёс я по внутренней связи.

Мы поднялись в воздух. Сначала, как и всегда, над аэродромом, начали набирать высоту. Я видел, как под нами проплывает стоянка с разбитыми вертолётами. Ан-24 всё ещё стоял на полосе, и вокруг него сустились люди. Надо переходить уже в более энергичный набор, но не тут-то было.

— Саныч, давай в горизонте, — сказал Кеша по внутренней связи.

На контрасте с разбитыми вертолётами и самолётом, из воды в одном из бучило нам приветливо махали несколько девушек в открытых купальниках. Тут-то и проснулся наш мужской инстинкт.

— Саныч, ну пониже-пониже. Это ж с этого... Во-во! — радостно «замурчал» Кеша, когда я начал разворот рядом с местной купелью.

Всё бы хорошо, да только мне ведь некогда смотреть.

— Извини друг, но нам по заданию работать надо, — сказал я улыбаясь.

Взгляд быстро переключился на то, что раскинулось перед нами. Пейзаж изменился до неузнаваемости. Горы, величественные и суровые, предстали во всей своей красе. Они были не просто холмами — это были исполины, поднимающиеся к самому небу. Склоны, покрытые скудной растительностью, переходили в отвесные скалы, испещрённые ущельями и трещинами. Камни здесь были разного оттенка: от охристо-коричневого до тёмно-серого, почти чёрного. Солнце, только что слепившее на аэродроме, на высоте приобрело мягкость. Оно освещало горные хребты, создавая игру теней и света, подчёркивая их рельеф.

— Сан Саныч, ну ты глянул, какая красота?! — спросил меня Кеша по внутренней связи.

— Ты про горы или про что-то другое? — посмеялся я.

— Можно сказать и про «горы», и про ложбинку. Ты ж видел у мадам из строевого. Там все три «единицы» с хвостиком.

Ну Кеша! Я ж два месяца Тосю не видел и женского тепла не чувствовал. А тут он напоминает о мужских потребностях

— Я бы дал четыре. Давай до дома потерпим. Нас девочки ждут, как-никак.

— Согласен. Но ты видел, какие у этой дамы они большие?! Ну «горы», — продолжал меня терроризировать Иннокентий.

— Кеша, смотри на обычные горы, — решил я остановить этот разговор о женских прелестях.

Обсудив размерность зоны декольте некоторых девушек, мы вернулись к полёту.

Слева на горизонте, виднелись вершины, ещё покрытые остатками снега, несмотря на жаркий день.

Мы начали лететь вдоль границы, разыскивая по предполагаемым маршрутам караваны душманов.

— 12-й, здесь ниже пройдем, — произнёс я в эфир, опуская рычаг шаг-газ.

— Понял. Справа на месте, — ответил ведомый.

Внизу под нами, протянулась одна из основных рек Афганистана — Кунар. Среди гор ещё несколько речушек, которые сливались с этой волной артерией.

Их вода была бирюзовой, почти изумрудной, прозрачной, и на солнце сверкала, как драгоценные камни. Эти реки пробивали себе путь сквозь скалы, образуя узкие каньоны. Местами река была спокойной, зеркальной, отражая синее небо и вершины гор, а где-то — бурной, с перекатами и мелкими водопадами, где вода с шумом падала вниз, оставляя за собой клубы водяной пыли.

— Саныч, где река делает поворот, кажется, какое-то поселение. Маленькое, прямо у воды. И несколько человек.

Я присмотрелся. Действительно, на одном из поворотов реки, среди скал, виднелись несколько глиняных домиков, словно вросших в склон. Маленькие, невзрачные, они казались частью самого ландшафта. В таких местах, казалось, время остановилось.

— Вижу, — ответил я, выполняя отворот влево.

Крен заложили большой. Так, что аж лопасти загудели, а слева в блистере крыши домов можно было рукой достать.

У реки и правда было несколько человек. Рядом ни ишаков, ни машин. Да и сами жители выглядят мирно.

— Саныч, руки подняли. Вроде нету у них ничего.

Я ещё раз присмотрелся к афганцам, которые просто так мыли руки в реке. Такого за все командировки в Афганистане не видел ни разу. На борту у нас никого нет, чтобы «подсесть» и проверить. Да и негде тут среди скал садиться.

— Пират, 902-му, — вызвал я на связь РП в Асадабаде.

— Отвечаю, 902-й.

— Доброго дня! Работаем по заданию. Нашли проблему. Район Баргор и Серай, — доложил я.

— Уточняю.

После небольшой паузы, руководитель полётами вновь нас вызвал. Всё это время я продолжал кружить над несколькими домами, заглядывая практически в каждый из дувалов.

— 902-й, там отдельный кишлак. Сегодня его проверили. Группа уже доложила об окончании работы.

— Понял. На маршрут уходим, — произнёс я, выровнял вертолёт и взял курс на Асадабад.

Горы сменялись новыми хребтами, долинами, ущельями. Иногда попадались редкие, одинокие деревья, цепляющиеся за жизнь на каменистых склонах. А иногда — огромные, пустынные плато, где ветер выдувал из земли причудливые формы.

— Я на берегу той реки шашлыки бы пожарил, — хихикнул Кеша.

— Тебе лишь бы поесть, — посмеялся я.

Мы приближались к Асадабаду. Пейзаж начал немного меняться. Горы становились ниже. Но всё равно, величие природы поражало.

— Помнишь, как эти места называют? — спросил я Кешу, когда мы разворачивались на обратный курс.

— «Край непуганых духов».

— Вот-вот, — спокойно сказал я.

Кеша немного помолчал, а затем выдал ещё одну интересную мысль.

— А ещё не просто так среди солдат ходит поговорка: если хочешь пулю в зад — поезжай в Асадабад.

Кроме подозрительного кишлака никаких более особенностей не было. Так что мы спокойно взяли курс на Джелалабад.

После посадки, проходя по аэродрому, я заметил, что на аэродром прилетели два «неместных» Ми-8.

— Не помнишь, откуда эти вертолёты? — спросил я у Кеши.

— Не-а.

Но тут нам один из техников подсказал, кто это «гости». Как я и думал, в Джелалабад прилетели начальники из Кабула.

Сразу со стоянки мы зашли на доклад к Свиридову. После непродолжительного рассказа, он попросил меня задержаться. Кеша убежал купаться, а я решил воспользоваться гостеприимством командира эскадрильи. Он предложил мне отведать его травяного чая.

— Мятный. Супруга передала из дома. Тот борт доставил, который сегодня на «бильярде» сыграл, — улыбнулся Свиридов, наливая мне чашку чая.

С позволения командира, я снял куртку комбинезона и остался в футболке. Вспотел я за время вылета изрядно, так что серая футболка была с тёмными пятнами.

— Ммм! Очень вкусно. И аромат хороший, — отпил я немного из кружки.

— Запах дома, Сань.

— А я Родину по запаху сирени вспоминаю. Возле детского дома росла. Я подростком когда сбегал на гульки с девчонками, срывал с неё несколько веток и на свидание.

— И как свидания? — улыбнулся Свиридов.

— Ну, шансы на приглашение зайти к девушке домой возрастали в разы, — посмеялся я вместе с командиром.

— Чуть не забыл. Почта пришла, — поставил кружку комэска и достал из стола конверт.

Это было письмо от Антонины. Она как и всегда его ещё обрызгивала зачем-то своими духами.

— Ты про сирень сказал, так я и вспомнил, что письма твои пахнут именно этими духами.

— Спасибо, командир, — ответил я, прислонив уголок письма к носу.

Отпив чай, я посмотрел на Свиридова, который как-то уж сидел очень напряжённо. Я поймал себя на мысли, что так и не сказал мне комэска, зачем попросил меня остаться.

Дверь в кабинет распахнулась, и к Свиридову вошло двое человек. Один был одет в форму расцветки «Бутан». Второй был низкого роста, в старом лётном комбинезоне песочного цвета.

И именно этого лётчика я узнаю всегда. Его характерная лысина и родинка на лбу не позволяет его спутать с кем-то ещё.

Поставив чай на стол, я поднялся со стула и выпрямился. Всё-таки в помещение как минимум зашёл полковник.

— Вольно, Клюковкин, — сказал своим низким противным голосом Хорьков Иван Николаевич.

Бывший начальник штаба в Соколовке, а потом и командир полка, полковник Хорьков подошёл ко мне вплотную. Он был похож на быка, увидевшего матадора с самой красной тряпкой, которую только можно себе представить. Ноздри его то сужались, то расширялись.

Ему было на что обижаться на моего реципиента. Предыдущий Клюковкин имел неформальные отношения с его дочкой. Причём в буфете. А про трижды проклятый УАЗик вообще лучше не вспоминать.

Иван Николаевич махнул своему коллеге, и он вышел из кабинета, оставив нас втроём. Только дверь закрылась, как Хорьков протянул мне руку и пожал её.

Начало многообещающе.

— Живой, значит? — скривился Иван Николаевич.

Ну блин!

— Не дождётесь, товарищ полковник, — ответил я.

— Да чтоб тебя! Ты неисправим. Опять паясничаешь?! — возмутился Хорьков.

— Виноват, а как я вам должен был ответить?! — удивился я.

Хорьков вновь вскипел. Стал красным, как знаменитый сеньор Помидор и начал грозить мне своим указательным пальцем.

— Володя, иди-ка ты с этим Клюковкиным... куда вы там обычно, испытатели и исследователи, ходите! Я никаких документов на него не подпишу. И вообще, чего это я с вами тут разговариваю?!

Я посмотрел на Свиридова, который широко улыбался мне.

— И нечего улыбаться, Володь!

— Товарищ замкомандующего, но ведь на Клюковкина документы запросил сам Член Военного совета...

Ух! Не знал, что Иван Николаевич теперь в 40-й армии.

— Вот пускай он и подписывает! Мне одного взгляда хватило, чтобы понять — недо-стоин!

Свиридов покачал головой и подошёл ближе к Хорькову.

— И нечего на меня так смотреть. Да, мы с тобой однокашники. Но я знаю этого человека. Он недостоин!

Тут у меня в душе всё вскипело. А самое главное, в памяти реципиента всплыла история с УАЗиком. Там было всё не так однозначно.

Конечно, Клюковкин пьяным разбил этот автомобиль. Но первоначально он его взял для других нужд.

— Это потому что я вам как зять не подошёл? Или потому что УАЗик был мной взят, чтобы ребёнка с высокой температурой отвезти в райцентр? — спросил я.

Хорьков бросил взгляд на Свиридова и подошёл ко мне ближе.

— Только потому, что ты именно для этого взял УАЗик, я тебя и не уничтожил сразу.

— А теперь у вас есть шанс...

— Есть. И я им воспользуюсь, товарищ майор. По полной программе! — громко сказал Иван Николаевич и подошёл к телефону.

Он громко проговорил с кем его нужно связать и стал ожидать соединения.

— Это Хорьков. Документы на Клюковкина готовы? Мне по прилёту на подпись, — произнёс Иван Николаевич и повесил трубку.

Зам командующего смотрел на меня внимательно и цокал языком.

— Не знаю, что с тобой стало после той аварии, но... вот от такого бы зятя я не отказался бы, — сказал Хорьков, сев на место Свиридова.

Комэска улыбнулся, похлопал меня по плечу и начал наливать чай Хорькову.

— Вы говорили этому... Никитину, что так нельзя ставить технику? — спросил Иван Николаевич.

— Да. Ну как видишь, Николаевич, он хотел оказаться «умнее» всех. А ты не успел прилететь, — сказал Свиридов.

Исходя из диалога этих двух людей, я понял, что наш комэска вчера позвонил и сообщил о такой проблеме.

— Надо было вчера мне этому Никитину вставить. Думал сегодня прилетим, и я его тут... в бараний рог и куда-нибудь к белым мишкам! А теперь, у него техники не хватает. И лётчиков выбило из строя с болезнями, — объяснил Хорьков, отпивая чай, который ему поставил Свиридов.

Иван Николаевич продолжал рассказывать о проблемах в 727-м полку.

— Нехватка личного состава, техники, проблемы с головой у таких как Никитин... Я всего третий день зам командующего, а столько всякой ерунды. Ну, ладно! Я ж к вам по делу.

Свиридов настроился слушать Хорькова. Да и я сам придвинулся ближе.

— Надо, чтобы вы поработали, как строевые лётчики ближайшие несколько дней. Сопровождение колонн, доставка почты и грузов, перевозка личного состава. И это не обсуждается.

Глава 5

От слов Хорькова на следующий же день все перешли к делу. И вот уже неделю, как испытательная и исследовательская работа была поставлена на паузу. Начались ранние подъёмы, вылеты на рассвете, пока температура ещё только пересекала рубеж в 30° и возвращение на аэродром к ночи. А утром всё заново.

С Кешей мы летали на Ми-8, доставляя грузы на заставы и посты. Пару раз слетали и в сторону Ассадабада. Ничего необычного и никаких проблем в полётах не было.

Товарищ подполковник Никитин так и не вернулся из Кабула. Что там с ним делали, мне неизвестно. Пока за него обязанности исполняет его зам.

Очередное утро началось с короткой постановки задач и доведения особенностей на сегодняшние вылеты. Как и вчера, и каждый день набор этих самых особенностей был стандартный — высокие температуры, сложный рельеф местности, возможное противодействие с земли.

Свиридов заканчивал как раз зачитывать постановку задачи, когда Кешу в очередной раз чуть не «вырубило» над планшетом.

— Братишка, не спать, — толкнул я его в плечо.

— Я просто медленно моргаю, Сан Саныч. Неделю уже работаем без вынимачки. Раньше как-то было попроще, — широко зевнул Иннокентий на моменте, когда Свиридов доводил меры безопасности.

— Ну и трава была зеленее, и солнце ярче, — добавил я.

Пока комэска зачитывал текст постановки, я проверил записи в наколенном планшете. Записал частоты, на которых работали связисты на постах и заставах, а также их позывные.

— Саныч, а мы летали с тобой в район отметки 2700. Кишлаки Баргор и Серай, — сказал Кеша, указывая на карту.

Как раз именно туда мы сегодня и полетим парой Ми-8 для выгрузки продуктов и воды.

— Да. Река там горная. Домов несколько, а кишлаков аж целых два, — ответил я.

Свиридов уже заканчивал постановку и поднял голову, оторвавшись от текста.

— Есть те, кто по каким-либо причинам не готов выполнять боевую задачу? — задал комэска риторический вопрос.

За две своих жизни я не слышал, чтобы кто-то после этого вопроса встал и ответил на него утвердительно.

— По вертолётам! — скомандовал Свиридов, и все поднялись со своих мест.

Мы шли к вертолётам, пока ещё стоявшим на заливной солнцем полосе. Воздух был густым от жары. Рядом с нашим Ми-8 стояла «шишига», которую разгружали несколько солдат. Грузовая кабина вертолёта была уже достаточно заполнена коробками, мешками и несколькими РДВ-100 — специальных резервуаров для воды.

— Сан Саныч, ну много. Не заберёмся на 2700, — сказал подошедший ко мне бортовой техник, указывая на несколько коробок, которые ещё не загрузили.

— Нормально, Коль. Возьмём, — ответил я бортачу и начал осматривать вертолёт.

Фюзеляж Ми-8 был на редкость целым. Будто бы и не был никогда в трудных ситуациях в Афганистане. Ни одной заплатки или дырки я не обнаружил. Блистеры и вовсе были настолько чистыми, что блестели в утренних лучах.

— Там не так просто зайти, Саныч, — подошёл ко мне командир моего ведомого экипажа Витя Полевой, протягивая карту.

— Что тебя смущает? — спросил я.

— Этот участок от Джелалабада до Асадабада, был особенно сложным. Все площадки высоко в горах и слишком маленькие. Садиться будем...

— По одному. Всё верно. Сначала захожу я, замеряю ветер и быстро выгружаюсь. Ты пока внизу виражи выполняешь. Вроде бы всегда так делали, — ответил я.

— Да, но именно на этом посту не садился ещё, — ответил Витя.

— Всё хорошо будет. Я найду и особенности тебе подскажу потом.

Витя отошёл на пару шагов, а потом повернулся ко мне.

— Саньч, давно хотел спросить. Комбез что на тебе, ты в Сирии купил? — потрогал он мой комбинезон.

— Не то чтобы купил. Лежали с Кешей в госпитале и нам их дали. Не голыми же нам ходить, — улыбнулся я.

— Материал интересный, — сказал Витя.

— Номэкс. Вроде как, негорючий. Ну и вообще качество неплохое.

Полевой кивнул и ушёл на свой вертолёт.

Я зашёл на борт и сразу свернул в кабину экипажа. Кеша плюхнулся рядом и начал поправлять свой «лифчик». Причём делал он это как-то уж слишком долго. То лямки затянет, то карманы поправит.

— Ты чего? — спросил я у Иннокентия.

— Неудобный «лифчик» стал. Я ж похудел...

— Да ну! Серьёзно?! — удивился я.

— А что не видно?! — повернулся ко мне Кеша.

Я попытался присмотреться к широкой моське Кеша. Как ни старался, а заметных изменений не увидел. Вроде и расстраивать не хочется, но и врать нельзя. Друг же!

— Видно, что ты худеешь, — расплывчато ответил я.

— Да. И кстати, я теперь после шести не ем.

Эту фразу услышал наш бортовой техник Николай.

— Ты же вчера в восемь вечера макароны варил?!

— Ну так это в восемь. В шесть ведь не ел.

Мда, такими темпами похудеет Кеша не скоро.

Машина АПА рядом задымила выхлопными газами. Борточ начал щёлкать тумблера и приготовился к запуску вспомогательной силовой установки.

— Омар, доброе утро от экипажа. Паре 902-го запуск, — запросил я.

— Добрейшего утра! Запускайтесь, — дал разрешение руководитель полётами.

Через некоторое время запустили двигатели, а винты раскрутились до нужных оборотов.

Коля вышел из вертолёта, чтобы осмотреть его после запуска. Иннокентий же водил пальцем по карте и что-то отмечал себе в наколенном планшете. Он посмотрел на меня, вытирая капли пота с носа. Я молча кивнул, чтобы он не отвлекался.

Бортовой техник вернулся в кабину, и мы начали вырубивать на полосу. Через минуту заняли исполнительный.

— Омар, паре 902-го, взлёт, — доложил я.

Разрешение было получено сразу. Выполнив разбег, мы мягко оторвались от бетонной поверхности. Солнце уже припекало, но в воздухе чувствовалась прохлада гор. Начинался новый день, полный новых вылетов, новых рисков и новой, тихой, но такой важной работы.

Высоту набирали постепенно, следуя курсом вдоль реки Кунар среди склонов горного хребта.

— 910-й. Ориентир — населённый пункт Чаукай. В его районе и будешь в вираже стоять, — сообщил я ведомому.

— Понял вас, — ответил Витя Полевой, пока мы начинали карабкаться вверх.

Проходим южнее Пои-Калай. Впереди горная стена предгорья Гиндукуша и начало долины реки Кунар. Раньше здесь было много духов. За каждым камнем мог сидеть местный

дехканин с винтовкой Ли Энфилд или за ДШК. А со стороны Пакистана постоянно шли караваны с оружием. Сейчас не так.

— Такое ощущение, что тут так было всегда, — произнёс Кеша, прислонив голову в шлеме к блистеру.

Под нами мелькал знакомый пейзаж Афганистана. Хорошо просматривались как невысокие сопки и горные вершины. Изредка попадались кишлаки, где дома разделялись высокими дувалами. Можно разглядеть редкие фигуры людей, занимающихся своими делами.

Многие по привычке ещё продолжают прятаться, услышав гул от двигателей вертолёт.

Продолжаем набор высоты. Скорость падает, а двигатели работают на пределе.

— Высота 2000, — доложил Кеша, пока я высматривал наше место назначения.

— Тяжело идём. Тут и площадки не найти, — сказал бортач Коля, проверяя топливомер.

Я смахнул с подбородка капли пота и продолжил лететь с расчётным курсом. По расчётам Кеша скоро появится впереди та самая отметка 2700 и кишлаки Баргор и Серай. На склонах попадают трава и отдельные деревья, которые непонятно как смогли выжить среди этой суровой природы.

— Наша застава должна быть там, на гребне, — произнёс Кеша и тут же показал влево.

Я отклонил ручку управления в сторону ложбины, за которой и должна быть нужная нам застава.

— Фиалка, Фиалка, ответь 902-му! — запросил я связиста, который был на нужном нам посту.

Я ещё пару раз запросил, но в ответ тишина.

А склоны гор продолжают сужаться, образуя ложбину. Вертолёт начинает вести себя уже не совсем уверенно. Хоть и бросает из стороны в сторону, но продолжает лететь вперёд.

— Ответил, 902. Мы вас ждём. Выдвигаемся к площадке, — прозвучал в наушниках запыхавшийся голос.

— Вас понял. Готовьтесь к разгрузке. Мы двумя единицами, — ответил я.

Я повернул голову и слегка поднял её вверх. Там и увидел наш пункт назначения. На вершину скалы был вынесен наблюдательный пост. Чуть ниже оборудованы укрытия, казарма и небольшой склад, накрытый маскировочной сетью. Также я заметил несколько блиндажей и советский флаг, который развевался на ветру.

— Площадку наблюдаю. 910-й, вставай в вираж. Я на посадку, — дал я команду Полевому.

Мы начали манёвр. Заход на площадку ограниченных размеров в горах — это всегда отдельная песня. Ветер, потоки воздуха, меняющийся рельеф — всё это нужно учитывать.

— Вижу, Сан Саныч! Нас ждут, — громко сказал Кеша по внутренней связи Кеша.

На площадке уже стояли несколько солдат, готовых принять груз. Они махали нам руками. Для них мы были вестниками жизни, приносящими самое необходимое.

— Если всё так и пойдёт, то минут через сорок вернёмся на «точку». А там обед «сон-тренаж», — радовался Иннокентий.

— Будем стараться. А вот и площадка, — сказал я, указывая на ровное каменистое место прямо рядом с небольшим складом под масксетью.

Только вот промахиваться и катиться назад нельзя. Площадка на самом краю перед обрывом.

Ветер достаточно сильный, вертолёт бросает из стороны в сторону. Направление воздушного потока может постоянно меняться.

— Высота 20 относительно площадки, — пересчитал Кеша показания высотомера.

Я начал выдерживать высоту, продолжая медленно подходить к площадке. Плавно, метр за метром, мы приближались к небольшой, еле заметному плато. Рядом с площадкой была

воткнута в землю большая палка с цветной тряпкой. По ней якобы можно было и направление ветра определить.

— Скорость 50, — доложил Кеша.

До площадки остаётся несколько сотен метров. Продолжаем снижаться. Я чуть сильнее отклонил правую педаль, но вовремя поправился.

Вентилятор обдувал лицо, но я всё равно вспотел. Чувствую, как капля пота сбегает по спине. Но пока всё внимание на площадку и работу органов управления.

— Подходим к обрыву, — подсказал Кеша.

Бортач Коля встал и нагнулся через центральный пульт, чтобы посмотреть на поверхность.

Вертолёт всё ниже, в сторону летят камни, пыль и редкие травинки, которые растут на такой высоте. Ещё немного, и носовая часть вертолёта пройдёт срез площадки. Уже никуда не денемся.

Всё внимание на площадку...

«Слева!» — прозвучало у меня в голове. Что это было мне непонятно, но я повиновался этому голосу.

Бросил взгляд влево, откуда к нам уже устремилась серая точка, отбрасывая серый дым.

Всё, что я успел сделать, это отвернуть вертолёт в сторону. Рука машинально дёрнула вертолёт влево, чтобы уйти вниз, в ущелье.

И тут мощный удар справа в районе редуктора. Началась стрельба. Вертолёт затрясло, будто по нему ударили гигантской кувалдой.

— Саныч, обстрел! — слышал я сквозь шум и сирену голос командира второго экипажа.

Вертолёт валится набок. Ощущение, что планета сама начала крутиться. Где-то за спиной такой звук, будто тросы рулевого управления рвутся, подобно гитарным струнам.

— 902-й, подбит! Подбит! — крикнул я в эфир, но это было последним сообщением.

В кабине появляется запах гари, и её застилает дым.

— Обороты... обороты упали, — проговаривал я вслух.

Бросил взгляд на приборы. Стрелки оборотов двигателей стремились к нулю. Падают и обороты несущего винта.

— Прыжок! — скомандовал я.

Левой рукой успеваю сбросить блистер, но не так-то просто было «выйти» через него.

Вижу, как Кеша сбросил блистер и почти полностью высунулся наружу. Борта Коля прыгнул в сторону Кеша, а следом за ним в кабину ворвалось пламя.

Тут я почувствовал жжение. Жар в кабине нарастал всё быстрее. И вот уже в кабине огонь. Всё в огне!

Спину обжигают языки пламени из грузовой кабины. А высоты практически нет. Сквозь дым и огонь вижу, на радиовысотомере цифру 30 метров, а что за остеклением кабины разглядеть невозможно.

Только садиться, чтобы можно было экипажу прыгнуть. Но как, если почти ничего не видно.

Пытаюсь сбалансировать вертолёт, но он вибрирует. Температура растёт, и ладони обжигает языками пламени.

РИта сходит с ума, а в нос продолжает бить запах гари.

Рычаг «шаг-газ» бросаю вниз до упора. Он перемещается с усилием и, как показалось, с каким-то странным скрежетом, но стрелка оборотов НВ, как бы помедлив, пошла в обратную сторону.

— 910-й, подбит! Два двигателя вста... — прозвучал в эфире доклад ведомого, но концовку он не проговорил.

Дышать уже невозможно. Руки и ноги из последних сил пытаются посадить этот горящий вертолёт. В наушниках прозвучал сигнал опасной высоты.

Невыносимый жар по всему телу. Так хочется уже просто плюхнуться на землю, чтобы закончить с этим пожаром!

Жуткий удар откуда-то снизу. Звон в ушах, и отовсюду посыпалось остекление фонаря кабины. Ещё удар, и меня начинает болтать в кабине. Всё вокруг вибрирует, мигает и горит.

А потом тишина. Будто кто-то поставил весь мир на паузу.

И вновь всё завертелось. Меня выбросило из кабины, и я летел кувыркаясь и чувствуя, как что-то внутри меня ломается, но мозг отказывался воспринимать боль.

И это всё, что я могу сейчас вспомнить, преодолевая каждый сантиметр земли.

Дышать тяжело. Губы щиплет, а кожа горит. Воздух, который сейчас обдувает лицо обжигающий. Я полз от этого смертоносного, пылающего монстра, который ещё секунду назад был моим верным товарищем.

Каждое движение — это новая волна боли, которая прокатывается по всему телу. Я не чувствовал рук, ног. Я чувствовал лишь раздражающую боль, словно каждый нерв был обнажён и тёрся о горячий песок.

Каждый вдох, как глоток раскалённого масла, которое обволакивает лёгкие изнутри. Мир сузился до этого ощущения. До пульсирующей, всепоглощающей боли. До жгучего воздуха, который я с трудом втягивал. Туман перед глазами становился всё гуще. Я не видел склона, не видел горящего вертолёта.

А потом... вспышка. Ослепительная, пронзительная. И внезапно — тишина. Такая полная, такая абсолютная, что казалось, я растворился в ней. Не было звуков, не было боли. Только пустота.

Перевернувшись на спину, я скинул с себя защитный шлем и смотрел в безмятежное небо. В это момент так жить захотелось, как никогда раньше.

— Сюда! Вот он, — услышал поблизости громкий голос.

Секунда и надо мной нависла чья-то тень. Чувствую, как незнакомец склоняется надо мной. Слышу его прерывистое дыхание и клацанье автомата.

— Подожди. Жетон сорви, — говорит кто-то другой.

Пытаюсь поднять руку, но сил нет совсем. Почувствовал, как к шее кто-то прикоснулся пальцами и вытащил у меня жетон. Слабый рывок, и верёвка порвалась. Где-то за спиной раздался звон металла, ударившегося об камень.

Тут же почувствовал, как меня подхватили подмышки и куда-то поволокли. Пытаюсь встать ногами, но они совсем ватные.

Глава 6

Боль вернулась, но уже другая. Немного тупая, ноющая. Она пронизывала всё тело. Я чувствовал, как меня куда-то несут. Потом как что-то холодное и гладкое касается кожи.

— Он сильно надышался. Что это за одежда на нём, что не сгорела полностью при пожаре?! — чей-то приглушённый голос звучал над ухом, будто бы я опустил голову в реку и слушаю звуки под огромной толщей воды. Той самой, от которой меня сейчас мучает жажда. Тело ещё продолжал бить озноб.

И тут яркий свет. Слишком яркий и резкий. Он бил прямо в глаза, заставляя жмуриться.

— Что... где я? — с трудом проговорил я, выдавливая из себя слова.

Но мне никто не ответил. Похоже, что надо мной сейчас продолжают колдовать врачи в госпитале.

— Удивительно. Как он вообще выжил и ещё посадил вертолёт?! Железный человек.

— Нет, железо ломается, а этот не сломался.

Вокруг меня различных голосов было несколько. Все они слились в единую звуковую дорожку.

— Где мы? — промычал я.

— В укромном месте. Не разговаривай, — ответил человек, склонившийся надо мной.

И вновь какие-то бормотания и команды. Чьи-то руки постоянно мелькают перед глазами. Они были повсюду, осторожно, но уверенно исследовали моё тело. Я чувствовал, как чем-то холодным и влажным, обрабатывают пострадавшие участки моей кожи.

Я не мог видеть свои ладони, но чувствовал, как кожа натянулась, словно плотная резина. Шея тоже горела, каждый поворот головы давался с трудом.

— Ожоги второй степени. Кисти рук, шея... Лицо на удивление не затронуто. Красавчик! — донёсся чёткий, спокойный голос.

В какой-то момент что-то острое пронзило кожу в районе локтевого сгиба. И через какое-то время боль начала отступать. Становиться более терпимой. Туман перед глазами стал рассеиваться. Я смог приоткрыть веки.

Опыт возвращения с «того света» у меня уже был. И, надо сказать, в этот раз всё прошло гораздо больнее. Я моргнул и смог сфокусироваться.

Надо мной был белый потолок с вращающимся вентилятором. Запах медикаментов был еле уловим. Зато весьма сильно пахло... морем.

— Что-то не так, — тихо сказал я, пробуя подняться.

Моё тело отозвалось тупой, ноющей болью. Похоже, что действие обезболивающих начинает проходить. Чувство было такое, будто меня протащили через полосу препятствий, а потом меня окунули в ледяную воду.

Я был в одних спортивных штанах синего цвета. Руки были забинтованы. Пальцы спокойно шевелились, и я провёл ими по лицу. Судя по щетине, с бритвой я «не общался» как минимум неделю. Гематомы на теле почти сошли, мелкие ссадины затянулись. Удивительно, что я не переломался, когда вылетел из вертолёта. Считай, в рубашке родился.

Голова слегка закружилась. Будто одним кадром перед глазами пролетели все события последних... неизвестно сколько времени прошло с момента крушения. Может я вновь совершил прыжок в чьё-то тело?

Заход на посадку, взрыв, падение вертолёта и огонь в кабине — всё это крутилось в голове, как навязчивая мелодия. Но запах... Запах моря был слишком сильным, слишком реальным, чтобы быть просто галлюцинацией.

— Фух, — выдохнул я и посмотрел по сторонам.

Комната имела мало общего с больничной палатой. Никаких стерильно-белых стен, никаких пищащих медицинских приборов.

На полу лежал старый, слегка потёртый ковёр. У стены стояли массивный шкаф, тумбочка и стол из тёмного дерева. На стене висела выцветшая картина с морским пейзажем, выполненная в классическом стиле. Всё было аккуратно, чисто, но совсем не по-больничному. Больше похоже на санаторий.

Я поднялся и сел на край кровати. У прикроватной тумбочки стояла капельница с какими-то растворами. И только она попалась мне на глаза, как я почувствовал дискомфорт в мочевом пузыре. Наверняка в меня подобных капельниц влили уже немало.

Но почему морем-то пахнет? Это ведь не запах от освежителя воздуха и не из банки с антисептиком, а откуда-то снаружи. Я повернул голову в сторону окна.

И прямо за ним...

— Да ладно! — воскликнул я.

Из окна открывался вид на море. Огромное и безбрежное. Серое и взволнованное, с белыми гребнями волн, которые разбивались о скалистый берег где-то внизу. Я видел, как солнце, пробиваясь сквозь набежавшие облака, то появляется, то исчезает, раскрашивая водную гладь то тускло-зелёным, то серебристым оттенком. Воздух, приносимый лёгким бризом, был солёным, свежим, пропитанным запахом водорослей.

Я не мог поверить своим глазам. Это не могло быть реальным. Больше похоже на очередное перемещение во времени.

Тут дверь открылась и в комнату вошёл мужчина, одетый в клетчатую рубашку и брюки. Он был среднего роста, коротко стриженный, с острыми скулами и пронзительными зелёными глазами. Взгляд серьёзный, а дышал парень словно бык. Будто он меня сейчас хочет на рога поднять.

— Русский? — спросил я.

— Как бы... да, — ответил вошедший.

— А год сейчас какой?

— 1986.

Ну хоть здесь повезло, что не забросило меня в тело очередного реципиента. К своей новой жизни я уже привык.

— Ладно. Давай пройдемся по стандартному списку вопросов в нашей... ситуации, — произнёс я.

— Как себя чувствуешь? — спросил парень, пройдя по комнате и присев в кресло рядом с кроватью.

Не с этого вопроса я хотел начать.

— Как будто обгорел и меня выбросило из вертолёт, — ответил я и медленно лёг на кровать.

— Ну так оно и было.

— Ты тему не меняй. Давай, кто ты? Что ты? И почему мы в этом «парадизе»? — кивнул я в сторону окна, за которым продолжали шуметь волны.

Парень улыбнулся и уже готовился открыть рот, но его прервали. Дверь в комнату открылась, и передо мной появился товарищ Казанов. Хотя насчёт «товарища» не уверен.

— Сан Саныч, я рад вас приветствовать! — с улыбкой произнёс Виталий.

— Вы..., а вы почему так выглядите?! — удивился я.

И было отчего удивляться! Казанов был одет в обтягивающую футболку, которая подчёркивала его бицепсы и кубики. Подкачался он неплохо за последнее время после нашей встречи.

Волосы теперь светлые, лицо гладко выбрито, кожа смуглая, а улыбка была лучезарнее солнца.

— Пришлось сменить имидж. Стал узнаваем в некоторых кругах.

— Это всё замечательно, но что с моими товарищами? Где мы? Как я сюда попал? Иваныч, ну ты парень неглупый, давай рассказывай всё как есть, — вновь поднялся я с кровати.

Парень, что вошёл в комнату первым, вынул из меня иголку и убрал стойку капельницы. Теперь я мог более свободно подняться. Однако ужасно хотелось в туалет. Мочевой пузырь вот-вот лопнет, но ответ Казанова хотелось бы услышать.

— Ваш экипаж цел и, вполне вероятно, выписан из госпиталя. Экипаж второго вертолётa тоже. Им повезло больше, они не попали в засаду, а были поражены ракетой ПЗРК уже после вас.

— То что на том посту была засада, это я уже понял. Вопрос, как вы там столь быстро оказались?

Коллега Казанова напрягся, а сам Виталий отвернул голову в сторону картины на стене. Как-то он не торопится с ответом.

Мысли у меня начали приходить в порядок, так что я уже пробовал выстроить всю картину происходящего. Я медленно стал приближаться к Виталию, готовясь услышать от него признание.

И я даже перестал замечать боль в перемотанных ладонях. Кулак уже был наготове.

— Мы получили информацию, что отряд наёмников занял тот самый пост, на который вы должны были доставить груз... — начал говорить Казанов, но мне уже хватило объяснений.

Не дожидаясь окончания фразы, я пробил правой рукой Виталию в лицо. Несмотря на его хорошую форму и моё не лучшее состояние, он с трудом устоял на ногах после такого хука.

— Назад, Гиря, — махнул Казанов своему коллеге, который уже рванул ко мне, чтобы успокоить.

— И тебе сейчас вмажу. Ты с ним там был? — спросил я у парня.

— Гиря, назад. Это мне за дело. Иди вниз. Я сам разберусь, — сказал Казанов, утирая разбитую губу.

Парень выдохнул и вышел из комнаты. Только дверь захлопнулась, как Виталий достал платок и вытер кровь с губ.

Он подошёл ко мне и посмотрел в глаза.

— Что-то ещё хочешь мне сказать? — спросил Казанов.

— Ты знал и ничего не сделал? Какую роль мы выполняли в твоей мышеловке?! — задал я вопрос.

Виталий облизнул губы и отошёл в сторону.

— Нам нужно было вычислить, откуда идёт утечка информации. Вдобавок я получил распоряжение взять группу наёмников, что планировала захватить пост. Предупреди я тебя, то ты бы не стал рисковать своим экипажем. Я рассчитывал, что мы успеем раньше взять пост. Но мы не всемогущи. Всё пошло не по плану. Совсем немного не уложились по времени. Всё произошло слишком быстро. Мы не успели к ним раньше. Они уже свою задачу выполнили. Ты был их целью.

— Пф! Если бы ты предупредил, мы бы действовали по-другому. Знали, чего можно ожидать. А об этой опасности покушения на меня ты говорил ещё год назад.

— И как видишь, в этот раз у них почти получилось.

Я посмотрел на руки и на Казанова. Подойдя к окну, вновь посмотрел на прибрежные скалы. Пока ещё мне было непонятно, куда меня притащил Казанов.

— Ты хочешь знать причину такого «интереса» к тебе?! В Сирии ты участвовал в уничтожении колонны в районе Тифора во время битвы за Пальмиру. Помнишь новогоднюю ночь?

Забудешь тут... Перехват колонны был практически рядовым. Особенность была лишь в том, что всё было очень быстро. А на утро Казанов и Сопин долго разбирали остатки колонны.

Но самое главное — все, кто со мной летал, были вскоре убиты. А затем ещё и полковника Каргина убили в Дамаске.

— Припоминаю. И что в этой колонне было особенного?

— Ни что, а кто. В ней был сын главы Блэк Рок Эдриан Кроу. Естественно, он погиб от наших ударов. И теперь его отец, Ричард Кроу, ищет всех причастных к его гибели.

— Иваныч, так какого лешего ты об этом молчал?!

Казанов только пожал плечами и повернулся к окну.

— Мы думали, что сможем это всё остановить. Но Кроу зашёл слишком далеко в своём желании нам отомстить.

— Ты ещё про «красные линии» скажи и всё такое. Давай к остальным вопросам, — махнул я перебинтованной рукой и присел на кровать.

— Весь во внимании.

— Теперь остальные вопросы. Где мы? Куда ты меня притащил?

— Мы в Сьерра-Леоне. В столице Фритауне, если быть точным.

Етить-колотить! Ближе санатория Казанов для меня не нашёл.

— Мест ближе к дому не нашлось?

Казанов улыбнулся и присел рядом.

— Предлагаю вам закончить наше с вами дело. Я ведь тоже, как и вы, в списке у Кроу. И тоже объявлен погибшим, как и вы.

Погибшим...

— А что нужно сделать, чтобы воскреснуть? План имеется? Вы ж не просто так решили опять расширить географию моих поездок.

— Да. В Сьерра-Леоне идёт гражданская война. Правительство ситуацию практически не контролирует. Не сегодня-завтра войска Объединённого Революционного фронта войдут в столицу. И захватят власть.

— Я здесь при чём?

— ОРФ тренирует и оказывает поддержку США в лице Блэк Рок.

Виталий рассказал, что лидеры ОРФ уже договорились с американскими корпорациями о предоставлении права на более чем 85% месторождений всех ресурсов Сьерра-Леоне в случае захвата власти в стране. А главное богатство здесь — алмазы.

— И вы думаете, что Советскому Союзу стоит поддержать правительство Сьерра-Леоне? Они ни чем не лучше повстанцев, — сказал я.

— Возможно, но они законная власть. Да и при них такого разворовывания недр Сьерра-Леоне не будет. К тому же у нас с вами более жирная цель здесь. Господин Кроу всегда приезжает туда, где у его компании плохо идут дела.

Я повернулся к Виталию и задумался. Похоже, что он предлагает мне перестать скрываться и встретиться с нашим противником лицом к лицу.

— Нам пора закрыть раз и навсегда вопрос с Блэк Рок. Пока Кроу жив, нам с вами не будет покоя.

Виталий встал и подошёл ко мне ближе. Он сунул руку в карман и достал служебный паспорт СССР.

— Вы уже можете сами передвигаться. Одежда в шкафу. Там же немного наличных, чтобы купить билет в СССР и заплатить за такси.

Пожалуй, и правда, надо решить вопрос раз и навсегда.

— Разве я похож на того кто бежит от проблем? Что я должен делать?

— То, что умеете лучше всех. Пойдёмте, я вас кое с кем познакомлю.

Глава 7

Адреналин, который пульсировал во мне ещё пару минут назад уже начал сходиться на нет. С каждым шагом в комнате я обдумывал происходящее вокруг. Пробуждение после падения вертолѐта, море, шокирующие откровения о Сирии, «Блэк Рок» и Ричарде Кроу — всё это перемешалось в моей голове, но теперь на горизонте вырисовывалась новая, куда более конкретная картина.

А ещё я помнил из прошлого, что гражданская война в Сьерра-Леоне, официально началась в 1991 году. Но по-моему, скромному мнению, здесь всегда была война. Так что тот факт, что время её начала сдвинулось на 1986 год особо ничего не меняет. Кроме одного факта — Советскому Союзу и здесь пришлось вмешаться.

Казанов, кивнув на дверь, отошёл от меня. Я ещё пару секунд посмотрел на тот документ тёмно-синего цвета, который мне дал Виталий. Боль в руках напоминала о себе тупой пульсацией, так что раскрыл я его не сразу.

Последний раз я видел этот документ в Ливии, куда меня с группой отправляли больше года назад.

— А чего не дипломатический? — спросил я, закрыв паспорт.

— К несчастью, после крушения вертолѐта вы не были похожи на дипломата.

Виталий открыл дверь и приготовился меня пропустить.

— Саша, время, — спокойно сказал Казанов, показывая на свои наручные часы.

Приглядевшись, я понял, что у Казанова настоящие японские Касио Жи-Шок. Даже не представляю, где он их взял. Подобные модели появились за рубежом только в начале 80-х.

— Когда я спал, ты меня не сильно торопил. Давай-ка немного повременим с откровенными беседами.

Казанов иронично выдохнул, произнеся что-то на непонятном мне языке. Напоминало, какое-то африканское наречие.

— И для начала покажи мне, где в этом здании туалет. Вы в меня столько влили, что я сейчас лопну, — произнёс я, медленно передвигаясь к двери.

— Прямо по коридору. На этаже есть ванная комната, — ответил Виталий, когда я медленно прошёл мимо него.

Спину слегка «тянуло», ноги побаливали, а места ожогов ещё саднили. Идти было нелегко, но я постепенно «расхаживался». Видимо, все остатки сил после пробуждения я вложил в удар по Казанову. Пока я шёл по коридору, Виталий ещё бросил мне вслед пару фраз.

— Сан Саныч, вы должны быть рады, что именно в Африке интересы нашего государства столкнулись с интересами заокеанских структур.

— А по мне не видно, что я просто счастлив этому факту?! — иронизировал я.

Сделав «свои дела» в уборной, мы спустились в просторную гостиную. На небольшом диване сидел тот самый Гиря, который был с нами в комнате.

— Не успели познакомиться. Саня, — протянул я ему руку.

— Кирилл, но можно и Гиря, — аккуратно пожал он мне руку.

— Качаешься? — спросил я, оценив мощное телосложение Кирилла.

— Гири тягаю.

— Угу. Видимо, очень тяжёлые гири.

В гостиную вошли ещё двое. Одеты в простую одежду, а в руках у каждого по стеклянной бутылке газировки.

— Я Юра, но можно и Гриф, — протянул руку первый.

Этот парень был самым худым из всех. У него был лоб с глубокими морщинами, голубые глаза и подбородок с небольшой ямочкой.

— Это потому что худой, да?

— Не-а. Я качаюсь, — заявил Гриф с серьёзным лицом.

— Заметно, — ответил я и повернулся к другому парню.

— Сева, — поздоровался со мной второй вошедший.

У него были немного усталые глаза учёного. Его лицо совсем не выражало эмоций, но уголки губ слегка дрогнули, скрывая улыбку.

— Так, ну Кирюха у нас Гиря, а ты, наверное, Книга? — спросил я.

— Нет. Я Рудольф.

Тут же за спиной посмеялся Гиря, а его товарищ хлопнул себя по лбу.

— Эм... то есть, Сева — позывной, а Рудольф — имя. Верно?

— Да.

— Оригинально, Рудик, — похлопал я его по плечу.

Пока что я терялся в догадках, почему именно так. Хотя с другой стороны, почему бы и не Сева?

Надо сказать, что весьма интересные персонажи окружают Казанова.

— Так, ну как я понимаю, вы работники посольства Советского Союза в Сьерра-Леоне? — спросил я, присаживаясь на диван рядом с Гирей.

— Нет. Сотрудники представительства Министерства рыбного хозяйства СССР в Республике Сьерра-Леоне, — ответил Кирилл.

Я даже присвистнул, услышав под какой легендой находятся эти специалисты в стране.

— Ну да. Все рыбаки живут в таких домах. Вы жемчужины вылавливаете? — спросил я.

Парни заулыбались, а вот Виталий Иванович был серьёзен. Наверное, не только с этими тремя «специалистами» хотел он меня познакомить.

— Сан Саныч, ты уже с моими подопечными встречался. Рош-Пинна помнишь? — спросил у меня Казанов.

Мы переглянулись с мужиками и кивнули друг другу. Похоже, у нас уже был опыт заочного знакомства.

— Саныч, а это ты на Ми-28... ну половину аэродрома распи...

— Не стоит подробностей, Юра. Тем более, я был не один. Работали мы большой группой и вернулись не все.

— Как и у нас, — кивнул Сева, присаживаясь рядом. — Дай мне руки, я осмотрю.

Пока Рудольф разворачивал повязки на моих руках, Казанов вводил меня в курс дела. Всё было в Сьерра-Леоне «как всегда» и через «одно» место. Задачи есть, а выполнять их некому.

— Страной сейчас управляет бывший генерал правительственных войск Джозеф Момо. Опыта в управлении страной у него немного. К тому же ему перепали все проблемы страны — разрозненность, экономические трудности, коррупция. А теперь ещё и пресловутый Объединённый Революционный фронт, который поддерживают правительство Либерии и американские корпорации. Отсюда и появление здесь Блэк Рок...

Казанов говорил много, но по делу. Для меня ничего нового не было в его информации. Ещё из прошлой жизни я знал, насколько всё в Африке плохо. По сути, целый континент с населением в миллиард брошен на произвол судьбы. И хоть колониальный строй рухнул, но страны Запада и США сохранили влияние в этом регионе, превратив его в обыкновенную дойную корову.

— Правая рука уже в порядке. А вот на левой ещё придётся поносить повязку, — сказал Сева.

— Спасибо. Кстати, сколько я был в отключке?

— Несколько дней. И... не спрашивай, как мы тебя сюда доставили, — шепнул Гиря.

— С трудом представляю, — посмеялся я.

После столь интересной встречи прошло больше двух недель.

Раны зажили. Боли в мышцах и спине стали беспокоить меньше. Я даже приступил к «физическим упражнениям» - переиграл моих новых знакомых в настольный теннис и нарды.

Во время очередного раунда игры, когда мне оставалось всего пару ходов до выставления «домашнего марса» Гире, появился Казанов.

— Сан Саныч, нам пора. Поедем в представительство Министерства рыбного хозяйства. Сегодня будете уже спать на новом месте.

Мы вышли из дома, который, как я теперь понял, служил временным убежищем для «внештатных рыбаков». За воротами стоял старый даже для этих лет внедорожник.

Казанов завёл машину, и мы поехали вдоль побережья.

Солнце уже поднялось высоко, обжигая кожу, но воздух был влажным и солёным.

Шум мотора внедорожника казался неестественно громким в этой незнакомой тишине, нарушаемой лишь далёким гулом океана и треском прибрежных волн. Казанов вёл машину спокойно и уверенно, как будто всю жизнь ездил по Фритауну — столице Сьерра-Леоне.

Дорога шла вдоль океана. По другую сторону были роскошные виллы, утопающие в зелени тропических садов, с высокими заборами. Стены домов были выкрашены в яркие, почти кричащие оттенки. Я наблюдал оранжевые, бирюзовые, лимонные фасады домов, которые казались совсем не заселёнными.

— Предыдущий президент правил страной долго. Пытался торговать и с нами, и с Западом. Но на двух стульях усидеть не получилось. Многие компании не собирались платить большие налоги в казну. Отсюда и политическая нестабильность.

— Поэтому отсюда все свалили? — показал я на дома за окном.

— И поэтому тоже.

Природа здесь была вездесущей. Джунгли подступали к самому городу, зелёной стеной обступая его, словно напоминая, кому на самом деле принадлежит эта земля. Огромные пальмы, раскидистые деревья с причудливыми корнями, лианы, свисающие с ветвей — всё это создавало ощущение дикой, неукротимой силы, которая могла в любой момент поглотить городские постройки.

Океан здесь был беспокойным, синим, с белыми барашками волн, бьющихся о скалы. Скалы, покрытые зеленью, уходили прямо в воду, обрамляя редкие песчаные пляжи.

И тем не менее в заливе видны редкие рыбацкие лодки.

Мы остановились на первом перекрёстке, за которым начинался другой район города. Это был совсем другой Фритаун. Даже Казанов потянулся к поясу, чтобы поправить кобуру.

— А всем рыбакам разрешают носить тут оружие? — улыбнулся я.

— Ну, я ни у кого не спрашивал. Нам сейчас придётся проехать через настоящий Фритаун. Если что, в бардачке АПС и две обоймы.

Я кивнул, отклонился назад и приготовился смотреть на следующий район города. Зелёный свет загорелся, и мы поехали дальше.

По обеим сторонам дороги были ветхие лачуги, сколоченные из всего, что попало под руку. Богатые виллы, которые мы проехали ранее, резко контрастировали с облупившимися стенами построек, покрытыми пылью и сажей, в бедных кварталах.

Я же, прислонившись к сиденью, пытался осмыслить этот новый мир, в который меня забросила судьба. Казанов сделал погромче радио, которое вещало на английском языке. С трудом, но я понял, о чём говорит диктор.

— Правительственные силы продолжают контролировать обстановку в Северной провинции страны. Отряды мятежников заблокированы в районе города Лунсара. Президент Момо сегодня объявил, что начинается разработка операции по освобождению следующего крупного города — Макени...

Казанов при этих словах диктора только зацокал языком. Наверняка ситуация не столь радужная.

Тем временем на улицах кипела жизнь, полная энергии, несмотря на очевидные трудности. Африканки в пёстрых, развевающихся на ветру платьях, ловко лавировали среди автомобилей, неся на головах корзины с фруктами или связки чего-то неопределённого. Множество детей, смеющихся и шумных, бегали босиком по пыльным дорогам, сверкая пятками. Столько у ребят энергии, что даже удивляешься, как они так могут при явном дефиците питания.

Торговцы громко зазывали покупателей, предлагая всё от экзотических фруктов, названия которых я даже не знал, до самодельных украшений и одежды. Воздух был пропитан смешением запахов — сладковатый аромат манго, пряный запах специй, едкий дым от уличных костров и, конечно, неизменный, солёный бриз океана.

Мы проезжали мимо колониальных зданий. Это были массивные, с широкими верандами, сооружения, оставшиеся в наследство от британцев. Здания, как мне показалось, медленно разрушались под натиском тропического климата и времени. Рядом с ними выросли современные, но чаще всего недостроенные или полуразвалившиеся постройки. Выглядит как символ амбиций предыдущего президента, который столкнулся с суровой реальностью.

— Красиво, правда? — спросил Казанов, нарушив длительное молчание между нами.

— Не знаю, как тебе, Иваныч, и ответить, — сказал я, вспоминая, что мне бы больше хотелось сейчас оказаться на набережной Торска с Антониной под ручку.

— Ладно тебе. Я тоже хотел бы сейчас в Крым.

— А чего тогда не поехал? — посмеялся я.

— Билетов не было.

— Ответ засчитан. А там что? — указал я на вершину холма, где виднелись очертания чего-то большого.

Казанов бросил взгляд и медленно свернул в переулок между домами.

— Мы въехали в Вест-Энд. Это один из более-менее спокойных районов. А то, что ты показал — Кабаса-Лодж. Построено при Стивенсе — предыдущем президенте. Представляет собой сооружение размером с ракетную шахту. Чем-то напоминает ещё солидный замок позднего Средневековья.

— И там живёт президент? — уточнил я.

— Да. Хотя не должен был. Но Момо выбрал именно это место для проживания.

Слова Казанова добавили острых красок к уже пёстрой картине Фритауна. Этот город был живым организмом, бьющимся между богатством и нищетой, порядком и хаосом, цивилизацией и дикой природой.

Мы свернули с главной дороги на менее оживлённую улицу, затем на узкую, ведущую к окраине города, где среди пальм и виднелось что-то похожее на укреплённый объект.

— Почти приехали, — сказал Виталий, когда мы остановились перед воротами.

Около забора стояли два темнокожих солдата с АКМ и старыми подсумками под магазины. Никаких бронежилетов на них не было. Да и вид у них был не самый грозный. На одном из сьерралеонцев и вовсе была каска, совсем не подходящая ему по размеру.

Из будки охраны вышел советский военный в форме так называемого «тропического» камуфляжа.

— Виталий Иванович, доброго дня, — поздоровался с Казановым солдат и показал открыть ворота.

Когда мы проезжали, я прочитал вывеску, что это посольство Советского Союза в республике Сьерра-Леоне. А также здесь же представительство и Министерства рыбного хозяйства. Очень удобно расположились.

Во дворе этого «укромного» места стояло несколько машин. Одна из них — белый Мерседес с затонированными окнами и дипломатическими номерами.

Территория представительства и посольства разительно контрастировала с тем, что за забором. Идеально подстриженный газон, гравийные дорожки и несколько раскидистых манговых деревьев, в тени которых было прохладно и тихо. В центре стояло двухэтажное здание в колониальном стиле, с широкой верандой и белыми колоннами.

— Посиди минуту, — остановил меня Казанов, когда я собирался выйти из машины.

Когда Виталий оказался на крыльце здания, оттуда нас вышел встретить невысокого роста человек. Глаза у него так и горели от радости, что мы приехали. Редкие волосы были аккуратно уложены набок, а белая рубашка и серые брюки выглажены.

— Виталий, чем могу помочь? Кто ваш коллега? Как я могу...

— Витя, ты давай лучше нам водички принеси. Жарко сегодня, — похлопал его по плечу Казанов и увёл в сторону.

Я прямо почувствовал, как от этого Витюши веет запахом дорогого одеколona, который отчаянно пытается перебить вездесущий запах тропиков. Ещё и лицо у него узкое, с тонкими, вечно поджатыми губами и маленькими, близко посаженными глазками, которые постоянно бегают, словно оценивая всех и вся.

Меня он не успел особо разглядеть, но я присмотрелся к нему. Когда этот Виктор смотрел на Виталия, то чувствовалось что-то фальшивое и гнилое в этом... работнике.

Как только Виктор ушёл, Казанов махнул мне, и я вышел из машины. Пройдя внутрь здания, мы сразу свернули в отдельный коридор, отделённый от фойе двойными дверями. В нём было несколько кабинетов, а в самом помещении была мертвецкая тишина. Такое ощущение, что здесь вообще никого нет.

— Иваныч, а куда мы идём?

— Ни куда, а к кому. Тебе нужно увидеться с Седым.

— С кем?! — удивился я.

— Ну... это у него позывной такой в эфире. Не я выбирал, — ответил Виталий и открыл передо мной дверь.

В нос сразу же ударил табачный запах и аромат кофе. Внутри просторного кабинета было всё по-спартански. Пара больших шкафов, заставленных книгами, два сейфа, стоящих по углам, и большой кожаный диван вдоль стены. За центральным массивным столом, заваленным картами и бумагами, сидел тот самый... «Седой».

Я ожидал увидеть грузную, солидную фигуру, но передо мной сидел поджарый, жилистый мужчина лет пятидесяти. Одет он был в светлую льняную рубашку, а рядом с ним стояла пепельница с окурками и лежала пачка «Казбека».

Его кожа была тёмной от загара, лицо изрезано сеткой глубоких морщин, а на голове - коротко стриженные седые волосы и шрам над левой бровью.

Но главное — это были глаза. Светло-голубые, почти прозрачные, они смотрели с такой пронзительной остротой, что казалось, видят тебя насквозь. В этом взгляде читались и железная воля, и огромная усталость, и холодный, аналитический ум.

— И?! — спокойно сказал этот суровый мужик с лёгкой небритостью на лице.

Я посмотрел на Казанова, ожидая какой-то подсказки. Но Виталий Иванович только молча вошёл в кабинет и встал рядом со мной.

— Эт самое... прибыл для дальнейшего прохождения службы, — ответил я, слегка выпрямившись.

— Вольно. Здесь не парад. И вообще, вы — мертвы, майор. Официально. Так что служба ваша закончилась. Что вы на это скажете?

Как-то этот Седой не сильно рад нас видеть. Ещё и Казанов молчит.

— Знаете, слухи о моей смерти были слегка преувеличены, — ответил я.

Седой встал со своего места и медленно направился ко мне. Всегда в такие моменты хочется спросить: зачем эта пауза Станиславского в разговоре? Говори, что нужно, и разойдёмся.

— Значит, Афганистан, Сирия, немножко Ливии. Так ты мне его представил, Виталий?
— повернулся Седой к Казанову.

— Да. Всё верно. Ну и у него есть личные счёты к Блэк Рок.

— Это мне не интересно. Вы готовы, товарищ Александр, ещё послужить Родине?

— Так точно, — спокойно ответил я.

— И готовы выполнять интернациональный долг, защищать военные и экономические интересы Родины?

— Так точно, — повторил я.

Седой протянул мне сухую, мозолистую руку. Его рукопожатие было коротким и неожиданно сильным.

— Сергей Викторович Гаранин. Добро пожаловать в Африканский корпус! Пройдёмте к карте.

Глава 8

В кабинете Гаранина продолжал гудеть кондиционер. Прохладу он давал, но Седой не переставал вытирать шею простым вафельным полотенцем.

После столь громогласного приветствия меня в рядах этой «интересной» структуры, вопросов у меня возникло ещё больше.

Я сделал несколько шагов за Сергеем Викторовичем и Казановым по направлению к большой доске, закрытой небольшой бордовой шторкой. Только я собрался задать Седому вопрос о самом Корпусе, как он опередил меня.

— Теперь посмотрите на карту, товарищ Клюковкин. Что вы можете сказать? — спросил Гаранин и отодвинул шторку.

Передо мной открылась карта страны с различными обозначениями. Судя по всему, Сергей Викторович обозначал здесь как местоположение правительственных войск, так и мятежников из ОРФ. И надо сказать, ситуация была явно в пользу «революционеров».

— Могу сказать, что это карта Сьерра-Леоне, — с подколом ответил я.

— Гениально! А ещё что?! — возмутился Гаранин, а Виталий в этот момент слегка улыбнулся.

— Ну а ещё, что мы в Африке...

— Вам весело, Саша?

— Виноват, Сергей Викторович. Если вы не против, введите меня в курс дела, что это за структура — Африканский корпус?

Седой кивнул и подошёл к столу, чтобы взять «Казбека». Всё это время Виталий стоял молча, не говоря ни слова. И ведь знает всё, засранец, а молчит.

Тем временем Гаранин выпустил дым и повернулся ко мне.

— Наша страна уже давно ведёт дела в Африке. Мозамбик, Ангола, Ливия, Алжир и в некоторые другие страны тоже не стали исключением. В те или иные годы, там тоже служили наши советские специалисты.

Пока что Гаранин мне ничего нового не сказал. Задолго до войны в Афганистане, свой интернациональный долг наши соотечественники исполняли и во многих других странах. Африка в этом плане стоит особняком.

— После успешных действий наших специалистов в Анголе, в СССР «полетели» множество просьб о военной помощи. Как технической, так и просьбы об отправке воинских контингентов, — добавил Казанов.

Виталий объяснил, что в Анголе благодаря нескольким воздушным и наземным операциям был полностью решён вопрос с выводом войск армии ЮАР с территории страны. Плюс были полностью разгромлены отряды партии УНИТА, руководитель которой стремился к захвату власти.

И судя по всему, данное событие окончательно оформили несколько лет назад в 1982 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.